
Развод в 45.
Генерал, возвращайся к первой
Павел Лимонов

Павел Лимонов

Развод в 45. Генерал, возвращайся к первой

https://litres.ru/74786714
SelfPub; 2026

Аннотация

В день нашей двадцать четвертой годовщины муж отменил поездку. Сказал, что должен встретиться с сослуживцем. А вечером я увидела его в доме первой жены.

— Наташа, я возвращаюсь к Татьяне. Мы поняли, что все еще любим друг друга.

Мне сорок пять. Ему пятьдесят четыре. Он генерал-майор в отставке, а я женщина, которая прошла с ним гарнизоны, переезды и бессонные ночи.

Оказалось, последние полгода мой муж делил постель с первой женой. Теперь предлагает мне понять его и достойно принять развод.

Что ж, генерал, я тебя отпускаю!

Только не рассчитывай, что буду ждать.

Я начну жизнь заново. Встречу мужчину, от прикосновений которого снова захочется жить и любить.

А когда первая любовь перестанет казаться тебе сказкой, ты вспомнишь обо мне.

Только будет поздно.

Потому что в сорок пять жизнь не заканчивается. И свое счастье я больше никому не отдам.

Содержание

Глава 1. Там тоже моя семья 5
Глава 2. Двадцать четыре года 56
Глава 3. Чужой мужчина 106
Конец ознакомительного фрагмента. 151

Павел Лимонов
Развод в 45. Генерал, возвращайся к первой

Глава 1. Там тоже моя семья

— Наташ, гостиницу можно отменить?

Я подняла голову от разделочной доски.

Алексей стоял в дверях кухни, уже одетый, с часами в руке. Светлая рубашка, темные брюки, аккуратно подстриженные седые волосы. В свои пятьдесят четыре он выглядел прекрасно. Даже после отставки следил за собой так, словно каждое утро собирался на построение.

— Какую гостиницу?

Вопрос получился глупым. Других гостиниц у нас не было.

— В Торжке. Я сегодня не смогу поехать.

Нож остался у меня в руке. На доске лежала клубника для торта, который я собиралась закончить к обеду.

— Леша, мы же договорились.

— Знаю.

— Я еще в феврале забронировала номер.

— Наташ, я помню.

— Тогда что случилось?

Он застегнул часы, посмотрел на циферблат.

Я знала этот жест. Когда Алексей хотел закончить неприятный разговор, он обязательно находил занятие для рук.

— Семенов приезжает из Москвы. Нужно с ним встретиться, помочь решить один вопрос по фонду. Завтра он уже уезжает.

— И другого дня совсем нет?

— Нет.

Я положила нож.

Сегодня было тридцатое мая. Двадцать четыре года назад мы расписались в небольшом загсе, а потом поехали к его сослуживцам на дачу, потому что денег на большую свадьбу у нас не было.

Я помнила, как Алексей нес меня через лужу, чтобы не испачкать подол платья. Как мы ели шашлык под старой яблоней. Как ночью он уснул рядом со мной прямо в рубашке, потому что за день так устал, что даже раздеться не смог.

И все равно утром первым проснулся он.

Разбудил поцелуем и сказал, что теперь у него есть жена, ради которой стоит возвращаться домой.

Я тогда была двадцатиоднолетней девчонкой, влюбленной по уши.

Теперь мне исполнилось сорок пять.

Алексей недавно вышел в отставку в звании генерал-майора. Мы впервые за много лет могли провести выходные

вдвоем, не подстраиваясь под его службу.

По крайней мере, я так думала.

— Мы ведь сегодня годовщину отмечаем, — напомнила я.

— Я знаю, Наташа.

— Тогда почему Семенов важнее?

Он устало провел ладонью по лицу.

— Дело не в том, кто важнее. Человеку нужна помощь.

— А мы с тобой можем поехать завтра утром. Или хотя бы вечером.

— Я не знаю, когда освобожусь.

— Может, стоит сначала узнать?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты сейчас предлагаешь мне отказать человеку, с которым я двадцать лет служил?

— Я предлагаю тебе вспомнить, что у нас тоже были планы.

Несколько секунд мы молчали.

Алексей подошел к столу и взял свою чашку. Кофе успел остыть, но он все равно сделал глоток.

— Послушай. Я понимаю, что ты расстроилась. Мы съездим в июне. В следующий выходной, если получится.

Я чуть не рассмеялась.

Не от веселья.

Слова «если получится» сопровождали наш брак последние двадцать четыре года.

Если получится, поедем к твоей маме.

Если получится, сходим на выпускной Лизы вдвоем.

Если получится, выберемся куда-нибудь летом.

Чаще получалось иначе.

Но я никогда не считала себя несчастной женой.

У Алексея была серьезная служба. Я понимала, что его работа не заканчивается по расписанию. Мы переезжали, снимали квартиры, жили в маленьких гарнизонных городках, экономили на мебели и старались не показывать детям, когда деньги заканчивались раньше зарплаты.

Потом стало легче.

Пришло звание, появилась хорошая квартира, выросли дети.

Я верила, что все трудности мы проходили вместе.

И что теперь, когда Алексей наконец вышел в отставку, у нас появится время друг для друга.

— В следующий выходной у меня может быть работа, — сказала я.

— Какая?

— Оксана вчера звонила. Помнишь, я рассказывала про музейный проект?

Он кивнул.

— Это что-то с костюмами?

— Да. Они готовят новую образовательную программу. Нужны копии платьев конца девятнадцатого века. Не реставрация настоящих вещей, а костюмы для выставочных манекенов. Оксана хочет, чтобы я взяла часть работы.

— Ну и хорошо.

— Она просит дать ответ до понедельника.

— Дай. Почему нет?

Я посмотрела на него.

— Потому что мы собирались уехать на два дня. Хотела сначала спокойно провести выходные.

— Так я же говорю, поездка переносится. Можешь заниматься своими платьями.

Он произнес это с таким спокойствием, что мне стало еще обиднее.

Словно ничего особенно важного не произошло.

Словно я просто получила два свободных дня, которые теперь могла занять чем-то полезным.

— Леша, мне хотелось побыть с тобой.

Он поставил чашку.

Подошел, обнял меня за плечи и поцеловал в висок.

Этот привычный жест заставил меня немного расслабиться. Я всегда любила, когда Алексей подходил сзади, прижимался щекой к моим волосам и обнимал меня просто так, без всякого повода.

Когда-то он делал это часто.

— Я знаю, родная. Прости. Правда не могу отменить встречу.

Я накрыла его руку своей.

— Ты хоть к ужину вернешься?

— Постараюсь.

— Я торт делаю.

— Вижу.

Он улыбнулся.

— С клубникой?

— С клубникой. И без корицы.

— Как я люблю.

На мгновение мне стало тепло.

Двадцать четыре года.

Он помнил, что я терпеть не могу холодный кофе. Я помнила, что он не переносит корицу в выпечке. Он знал, как у меня болит спина после долгой работы за машинкой. Я умела определить по его голосу, насколько тяжелым выдался день.

Неужели все это ничего не значило?

Я отогнала неприятную мысль.

— Ладно, — сказала я. — Поезжай к своему Семенову. Только вечером не задерживайся.

— Постараюсь.

Он еще раз поцеловал меня и ушел в прихожую.

Через минуту хлопнула входная дверь.

Я осталась посреди кухни с недорезанной клубникой на доске.

В холодильнике стояло мясо, замаринованное для праздничного ужина. На столе лежал конверт с распечатанным подтверждением бронирования. Рядом — маленький подарок Алексею.

Кожаный футляр для очков.

Ничего особенного, но я выбирала его долго. У старого разошелся шов, и муж уже месяц собирался купить новый.

Я провела пальцем по коробочке.

Потом взяла телефон и открыла письмо из гостиницы.

Отменить бронирование можно было до шести вечера, но предоплата за один день уже не возвращалась.

Я нажала нужную кнопку.

Подтверждение пришло почти сразу.

Вот и закончилась наша первая годовщина после его отставки.

К полудню я все-таки закончила торт.

Выбрасывать продукты из-за испорченного настроения казалось глупостью. Да и клубника была хорошая: крупная, сладкая, с настоящим запахом лета.

Я выровняла крем, разложила ягоды и поставила торт в холодильник.

В тот момент позвонила Лиза.

На экране появилась фотография дочери, сделанная прошлой зимой. Она стояла на берегу Волги, в смешной вязаной шапке с огромным помпоном, и смеялась.

— Мам, поздравляю вас!

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо, солнышко.

— Двадцать четыре года! Представляешь? Я даже не знаю,

как вы столько выдержали друг друга.

— Мы иногда отдыхали.

— Папа уезжал на службу, а ты оставалась дома?

— Примерно так.

Лиза рассмеялась.

Она давно жила отдельно, работала, сама платила за квартиру и очень гордилась тем, что больше не просит у нас денег.

Иногда я скучала по времени, когда она прибегала из школы, бросала рюкзак посреди коридора и требовала немедленно рассказать, что у нас на ужин.

Теперь она звонила, когда освобождалась.

— Вы уже в Торжке? — спросила дочь.

Я посмотрела на собранную возле двери дорожную сумку.

— Нет, мы не поехали.

— Почему?

— У папы дела.

— В субботу?

— Да.

— Он же на пенсии.

Я усмехнулась.

— Попробуй ему об этом напомнить.

— Мам, ну серьезно. Вы столько собирались.

— Ничего страшного. Съездим в другой раз.

Лиза на несколько секунд замолчала.

— Ты расстроилась?

— Немного.

— Папа вообще знает, что ты два месяца выбирала эту гостиницу?

— Знает.

— Ну тогда он вредина.

— Лиза.

— Что? Я его люблю, но он вредина.

Мне стало смешно.

— Сама ему скажи.

— Обязательно. Сегодня позвоню.

Она помолчала, потом добавила:

— Я завтра заскочу, ладно? Подарок привезу. Сегодня не успеваю, у нас на работе опять аврал.

— Конечно. Только заранее напиши.

— Хорошо. Мам, а торт будет?

— Будет.

— Отлично. Тогда половину оставь мне.

— Ты же на диете.

— С понедельника.

Мы еще немного поговорили о ее работе и квартире. Оказалось, у Лизы опять потек смеситель, и она собиралась вызвать мастера.

Раньше я сразу предложила бы попросить отца.

Но дочь быстро сказала:

— Только папе не говори. Я сама разберусь. Мне уже двадцать два.

— Не скажу, — пообещала я.

Мы попрощались.

Я положила телефон на стол и вдруг подумала, что Лиза давно научилась жить отдельно от нас.

А я все еще не представляла, как это — планировать что-то только для себя.

Даже поездку я выбирала так, чтобы Алексею было интересно.

В гостинице имелась небольшая сауна. Он любил баню. Рядом был хороший ресторан с мясными блюдами. Еще я нашла экскурсию по старинным усадьбам, потому что муж интересовался историей.

Мне самой хотелось просто гулять по улицам, рассматривать старые дома, заглядывать в маленькие магазины и долго завтракать, никуда не торопясь.

Но разве это важно?

Можно было совместить.

Я всегда умела совмещать.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонила Оксана.

— Наталья Сергеевна, здравствуйте, — торжественно произнесла она. — Я уже поняла, что вчерашнее сообщение ты проигнорировала.

— Я его прочитала.

— Прочитать и ответить — разные вещи.

— Оксана, сегодня вообще-то суббота.

— Именно. Поэтому я звоню как подруга, а не как руководитель мастерской.

— И что хочет подруга?

— Затащить тебя обратно к нормальной работе.

Я засмеялась.

С Оксаной мы познакомились много лет назад, когда я еще брала частные заказы на пошив одежды. Потом она открыла небольшую мастерскую, стала работать с театральными студиями и музеями, а я продолжила шить дома.

Мы не виделись месяцами, но всегда находили о чем поговорить.

— Ты ведь понимаешь, что я давно ничем таким серьезным не занималась? — спросила я.

— Понимаю. Именно поэтому зову.

— Логика замечательная.

— У тебя хорошая рука, Наташа. Ты умеешь работать с конструкцией, а не просто красиво строчить. Я видела твои старые вещи. И не надо рассказывать, что ты все забыла.

— Я могла забыть.

— Тогда вспомнишь. Мы не шьем настоящие музейные экспонаты, нам нужны качественные реконструкции по образцам. Две вещи я возьму сама. Еще две надо отдать человеку, которому могу доверять.

Я подошла к окну.

Во дворе соседка поливала цветы возле подъезда. Двое мальчишек гоняли на велосипедах по дорожке, несмотря на

табличку с просьбой не ездить.

— А сроки?

— Первую примерку на манекене хотят увидеть через три недели. Материалы закупаем мы. Оплата по договору, не за спасибо.

— Три недели на такую работу мало.

— Поэтому я и спрашиваю сейчас.

Я задумалась.

Последние годы мои заказы были небольшими. Платья к праздникам, подгонка костюмов, иногда сложная переделка дорогой вещи.

Работу я любила.

Но когда Алексей выходил на пенсию, мы обсуждали, что наконец будем больше времени проводить вместе. Он хотел заняться домом, чаще ездить к детям, отдыхать.

Я тогда отказалась от предложения Оксаны взять несколько крупных заказов.

Не из-за запрета мужа.

Просто мне казалось, что после стольких лет, прожитых по его служебному расписанию, мы наконец заслужили немного совместной жизни.

— Можно я до понедельника подумаю? — спросила я.

— Конечно. Только не говори мне потом, что у тебя возраст не тот.

— Какой еще возраст?

— Вот именно.

Я улыбнулась.

— Мы вообще-то ровесницы.

— Поэтому знаю, что говорю. Слушай, а ты разве не должна сейчас гулять по Торжку с мужем?

— Должна.

— Что случилось?

— У Алексея срочные дела.

Оксана замолчала.

— В годовщину?

— Да.

— Понятно.

Она не стала говорить ничего лишнего.

И я была ей за это благодарна.

— В общем, подумай, — сказала подруга. — Я тебе фотографии пришлю. Там одно платье с очень интересным лифом. Посмотри, тебе понравится.

— Хорошо.

— И Наташа...

— Что?

— Если захочешь просто встретиться и поболтать, звони. Не обязательно по работе.

— Спасибо.

Я отключилась.

Через минуту пришли фотографии.

На первой было темное платье с узкой талией, высоким воротником и сложной отделкой рукавов.

Я увеличила изображение.

Сразу стало интересно, как там устроена застежка.

Наверняка часть деталей придется восстанавливать по фотографии, а что-то проверять на пробном образце.

Я поймала себя на том, что уже мысленно раскладываю детали выкройки на ткани.

И впервые за утро подумала не об отмененной поездке.

В начале второго часа Алексей прислал сообщение.

«Могу задержаться. Не жди к обеду».

Я перечитала его дважды.

Потом написала:

«К ужину будешь?»

Ответ пришел не сразу.

«Пока не знаю. Позвоню».

Я положила телефон.

День был теплый, солнечный. Из открытого окна доносились голоса детей, шум машин и чьи-то разговоры у подъезда.

Мне вдруг стало тесно в собственной квартире.

Я переоделась и вышла на улицу.

До набережной было недалеко. Я любила этот маршрут, особенно в конце мая, когда деревья уже покрывались густой листвой, а воздух еще не становился тяжелым от летней жары.

По дороге купила кофе.

Продавщица спросила, нужен ли сахар.

Я сказала, что нет.

Алексей всегда пил кофе без сахара. Я тоже давно привыкла, хотя раньше любила сладкий.

Смешная мелочь.

На набережной было многолюдно. Молодая пара фотографировалась у воды. Девушка смеялась, а парень никак не мог понять, с какой стороны держать телефон, чтобы солнце не било в объектив.

Чуть дальше пожилые супруги сидели на скамейке с бумажными стаканчиками.

Мужчина поправил жене воротник.

Она машинально коснулась его руки.

Я отвернулась.

Мне стало стыдно за собственную обиду.

Ну отменил Алексей поездку.

Не первый раз.

И не поехал развлекаться. Он действительно много помогал бывшим сослуживцам даже после отставки. Организовывал встречи, собирал документы, ездил по каким-то вопросам, которые мне не всегда были понятны.

Я гордилась им.

Когда в две тысячи восемнадцатом году он получил генеральское звание, я плакала от радости. Тогда нам казалось, что все бессонные ночи, переезды и разлуки не прошли напрасно.

Алексей тоже был счастлив.

Помню, как вернулся домой, поставил на стол бутылку хорошего вина и сказал:

— Ну что, Наташка, дослужились?

Именно так.

Не «я дослужился».

«Мы».

В тот вечер мы сидели на кухне почти до утра, вспоминали молодость и строили планы.

Он говорил, что, когда выйдет в отставку, мы обязательно купим небольшой дом у воды.

Я смеялась и отвечала, что сначала хочу пожить без сборов чемоданов и переездов.

Дом мы так и не купили.

Зато Алексей наконец оказался свободен от службы.

Только свободного времени у него почему-то не прибавилось.

Последний год он часто куда-то уезжал. То встреча ветеранов, то помощь знакомым, то какие-то дела с документами.

Иногда возвращался поздно.

Я не спрашивала лишнего.

Слишком хорошо помнила годы, когда он действительно не мог рассказывать о работе.

Теперь, сидя на скамейке у Волги, я вдруг поняла, что продолжаю жить по тем же правилам, хотя служба давно за-

кончилась.

Мне стало неприятно.

Не от подозрений.

Я ни в чем его не подозревала.

Просто подумала, что мы так и не научились жить иначе.

В телефоне нашлась старая фотография.

Алексей держал маленькую Лизу на руках. Дочка уснула, прижавшись щекой к его плечу. Муж стоял возле моего рабочего стола, а рядом на манекене висело недошитое вечернее платье.

Тогда я взяла срочный заказ и боялась не успеть к сроку.

Лиза болела, капризничала и почти не слезала с рук.

Алексей приехал домой раньше, переоделся и забрал дочку.

— Шей, Наташка. Я с ней посижу.

Он носил ее по квартире почти три часа.

Когда я наконец закончила, у него затекли руки, но он не жаловался.

Потом мы вместе пили чай.

Мне казалось, что я самая счастливая женщина на свете.

Я увеличила фотографию.

У молодого Алексея почти не было седины. У меня волосы были длиннее, лицо круглее, а глаза усталые после бессонных ночей.

Мы выглядели счастливыми.

И мы действительно были счастливы.

Я точно это знала.
Телефон завибрировал.
На экране высветилось имя мужа.
Я поспешно ответила.
— Леша?
— Наташ, ты дома?
— Нет, гуляю.
— Одна?
— Да.
— Далеко ушла?
— На набережной.
— Понятно. Слушай, я к ужину не успеваю.
Я закрыла глаза.
— Совсем?
— Похоже, да.
— А когда вернешься?
— Не знаю. Может, часов в девять.
Я посмотрела на время.
Было полчетвертого.
— У тебя встреча на весь день?
— Так получается.
— Ты же говорил, что нужно решить один вопрос.
На том конце ненадолго замолчали.
— Вопросов оказалось больше, чем думали.
— Ладно.
— Наташ, только не обижайся.

Я сжала телефон.

— Я уже обиделась, Леша.

— Ну вот зачем?

— Затем, что у нас сегодня годовщина. А ты даже не можешь сказать, когда приедешь.

Он вздохнул.

— Мы же поговорили утром.

— Да. Поговорили.

— Я не собирался тебя расстраивать.

— Но расстроил.

— Хорошо, прости. Давай вечером спокойно обсудим.

— Давай.

Мы попрощались.

Я осталась сидеть, глядя на реку.

Рядом прошла женщина с маленькой собакой. Собака остановилась у моей скамейки, обнюхала ботинок и потянула хозяйку дальше.

Я допила остывший кофе.

Почему-то вспомнилось, как Алексей перед отъездом поцеловал меня в висок.

Обычный поцелуй.

Теплый.

Знакомый.

Я держалась за такие мелочи, потому что верила: за ними по-прежнему стоит любовь.

К шести вечера я вернулась домой.

Переоделась, убрала ненужную дорожную сумку в шкаф, достала из холодильника мясо.

Готовить праздничный ужин для одного человека не хотелось.

Но я решила, что Алексей все равно придет. Пусть поздно, пусть уставший.

Можно будет спокойно поесть, открыть бутылку вина и поговорить.

Я поставила мясо в духовку, нарезала овощи, достала праздничные тарелки.

Потом подумала и убрала их обратно.

Не хотелось устраивать торжество в одиночку.

В семь часов я получила сообщение от Лизы.

«Мам, папе позвонила. Он какой-то странный. Сказал, что все нормально. Ты точно не обиделась?»

Я ответила:

«Все хорошо. Не переживай. Завтра увидимся».

Это была неправда.

Но мне не хотелось посвящать дочь в нашу мелкую ссору.

Если ее вообще можно было назвать ссорой.

Мы с Алексеем почти не ругались.

Он не повышал голос, не хлопал дверями, не устраивал сцен. Когда возникали разногласия, обычно спокойно объяснял свою позицию.

Я слушала.

Иногда соглашалась.

Иногда спорила, но в конце концов мы находили решение.

Чаще всего подходящее ему.

Раньше меня это почти не задевало.

Сегодня почему-то задевало все.

Я выключила духовку, накрыла мясо фольгой и села на диван.

Телевизор включать не стала.

В половине восьмого зазвонил планшет.

На экране появилось улыбающееся личико Сони.

— Бабушка Ната!

Я сразу улыбнулась.

— Привет, моя хорошая.

— Смотри, что я нарисовала!

Соня была дочкой Максима, старшего сына Алексея.

Когда мы поженились, Максиму было семь лет.

Первые годы он приезжал к нам на каникулы и выходные. Сначала стеснялся, называл меня по имени и все время спрашивал, когда папа отвезет его домой.

Я никогда не требовала, чтобы он называл меня мамой.

У Максима была своя мама. Татьяна.

Потом он подрос, стал приезжать охотнее. Мы вместе готовили, ходили в кино, обсуждали его школьные неприятности.

Когда родилась Лиза, Максим очень серьезно отнесся к роли старшего брата.

А еще через много лет у него самого появилась дочка.

Соня с самого начала называла меня бабушкой Натой.

Я помнила, как впервые услышала это обращение.

Тогда малышка едва научилась говорить, но уже прекрасно понимала, что у нее есть несколько бабушек и каждая по-своему важна.

— Показывай, — попросила я.

Соня поднесла к камере лист бумаги.

На нем красовались три человека с огромными головами и тоненькими руками.

У одного были седые волосы.

— Кто это у нас?

— Это дедушка Леша. Это бабушка Таня. А это я.

Я улыбнулась.

— Очень похоже.

— Правда?

— Конечно. Особенно дедушкины уши.

Соня захихикала.

— У дедушки не такие большие!

— А какие?

— Сейчас покажу!

Она повернула планшет.

Изображение дернулось, на секунду я увидела потолок, яркую люстру, потом стол с белой скатертью.

За столом сидел Алексей.

Мой муж.

В той самой светлой рубашке, которую утром застегивал у нас в спальне.

Перед ним стояла чашка.

Рядом лежала тарелка с чем-то похожим на домашний пирог.

Он не разговаривал по телефону.

Не сидел на встрече с Семеновым.

Он находился в гостиной Татьяны.

Я узнала комнату по фотографии, которую когда-то показывал Максим. Татьяна после возвращения в Тверь купила квартиру и сделала ремонт. Я даже помогала выбрать цвет штор, когда Дина прислала несколько вариантов в семейный чат.

— Дедушка! — громко позвала Соня. — Смотри, бабушка Ната!

Алексей поднял голову.

Сначала улыбнулся.

Потом увидел экран.

Улыбка исчезла.

— Соня, подожди, — сказал он.

Именно в этот момент в кадре появилась Татьяна.

На ней было светлое домашнее платье. Светлые волосы собраны на затылке, на шее тонкая цепочка.

Она поставила перед Алексеем маленькую тарелку и коснулась его плеча.

Необыкновенно простое движение.

Так прикасаются к человеку, рядом с которым чувствуют себя свободно.

— Леша, тебе еще положить? — спросила она.

Он не ответил.

Смотрел на экран.

Я видела, как Татьяна проследила за его взглядом.

И тоже замолчала.

— Бабушка Ната! — весело закричала Соня. — А у нас пирог с вишней! Бабушка Таня сама испекла!

Я не сразу поняла, что нужно ответить.

— Здорово, солнышко.

Мой голос прозвучал странно.

Слишком ровно.

— А ты приедешь?

— Нет, милая. Сегодня не получится.

— Почему?

Я сглотнула.

— У меня дела.

Алексей медленно поднялся из-за стола.

— Сонечка, иди покажи маме рисунок.

— Мама с папой еще не приехали. Они в кино. Я тебе говорила!

— Тогда бабушке Тане покажи.

Соня обернулась к нему.

— Но она уже видела!

Я услышала тихий голос Татьяны:

— Сонечка, давай мы с тобой потом еще позвоним бабушке Нате.

Девочка недовольно насупилась.

Я поспешила вмешаться.

— Соня, моя хорошая, я сейчас занята. Ты мне завтра рисунок покажешь, договорились?

— Ладно.

— Целую тебя.

— И я!

Связь оборвалась.

Несколько секунд я сидела неподвижно.

Потом посмотрела на темный экран.

На стекле отражалось мое лицо.

Ничего необычного.

Обычное лицо сорокапятилетней женщины с немного усталыми глазами.

Я положила планшет на диван.

Потом взяла телефон.

Открыла переписку с Алексеем.

После нашего звонка сообщений не было.

На экране оставалось дневное: «Пока не знаю. Позвоню».

Я набрала:

«Когда вернешься, нам нужно поговорить».

Отправила.

Пальцы были совершенно спокойными.

Я даже удивилась.

Ведь мне полагалось злиться.

Или плакать.

Или немедленно позвонить мужу и потребовать объяснений.

Но сначала я просто пыталась понять.

Алексей мог заехать к Татьяне после встречи с Семеновым.

Мог встретиться с Максимом.

Мог помочь с чем-то по дому.

У него был сын от первого брака, внучка. Я никогда не препятствовала их общению.

Татьяна овдовела полтора года назад.

Когда ее муж умер, я сама сказала Алексею, что стоит позвонить и выразить соболезнования. Он тогда согласился.

Потом она вернулась в Тверь.

Я не возражала против того, чтобы они иногда встречались по семейным вопросам.

Почему я должна была возражать?

Прошло столько лет.

У нас с Алексеем своя жизнь.

У Татьяны была своя.

Я даже не ревновала.

Мне казалось, что ревновать к первой жене спустя двадцать четыре года брака просто нелепо.

Я снова взяла планшет.

Перед глазами стояла рука Татьяны на его плече.

И выражение лица Алексея, когда он увидел меня на экране.

Вот это выражение мне не нравилось больше всего.

Он выглядел не удивленным.

Не раздраженным.

Испуганным.

Телефон завибрировал.

«Скоро буду».

Я перечитала два слова.

Потом встала и пошла на кухню.

На столе стояли две тарелки.

Я убрала одну в шкаф.

Вторую поставила в раковину.

Потом открыла холодильник.

Торт с клубникой был красивым. Даже жалко стало, что никто его не видел.

Я достала нож, отрезала себе небольшой кусок, переложила на тарелку.

Села.

Попробовала.

Крем получился нежный, с легкой кислинкой. Именно такой, какой любил Алексей.

Я съела две ложки.

Больше не смогла.

В девять вечера я услышала ключ в замке.

Алексей вошел тихо.

Обычно он сразу звал меня:

«Наташ, я дома».

Сегодня промолчал.

Я сидела за кухонным столом.

Передо мной лежал телефон и стояла чашка давно остывшего чая.

Муж заглянул в кухню.

— Привет.

— Привет.

Он посмотрел на стол.

— Ты не ужинала?

— Ужинала.

— Понятно.

Алексей поставил возле двери сумку с документами, которую утром взял с собой.

Не раздеваясь, подошел к раковине и налил воды.

Я наблюдала за ним.

Как он достал стакан.

Как открыл кран.

Как выпил воду маленькими глотками.

Двадцать четыре года я смотрела на этого человека и почти всегда знала, что он сейчас скажет.

Сегодня не знала.

— Леша, где ты был?

Он поставил стакан.

— Ты же видела.

— Я видела тебя у Татьяны.

— Да.

— А где Семенов?

Алексей отвернулся к окну.

— Мы встретились раньше.

— И потом ты поехал к Татьяне?

— Да.

— На несколько часов?

— Наташ, давай спокойно.

— Я спокойно спрашиваю.

Он наконец посмотрел на меня.

— Ты хочешь устроить допрос?

Я даже растерялась.

— Допрос? Леша, ты утром сказал, что не можешь поехать со мной, потому что должен помочь сослуживцу. Потом сообщил, что не вернешься к ужину. А сам весь вечер сидел у первой жены.

— Я не весь вечер там сидел.

— Сколько?

Он сжал губы.

— Это сейчас имеет значение?

— Для меня имеет.

Алексей отодвинул стул и сел напротив.

Некоторое время он смотрел на свои руки.

Я ждала.

И вдруг поняла, что он собирается не оправдываться.

А говорить что-то совсем другое.

— Наташ, нам давно нужно было поговорить.

У меня неприятно похолодели ладони.

— О чем?

— О нас.

Я медленно выпрямилась.

— Что с нами?

Он поднял голову.

В глазах не было привычного раздражения.

Скорее усталость.

И решимость.

Так он смотрел, когда принимал неприятное служебное решение и понимал, что отменять его уже не станет.

— Мы с Татьяной снова сблизились.

Я услышала слова.

Но смысл до меня дошел не сразу.

— Что значит сблизились?

— Наташа...

— Нет. Объясни нормально.

Он провел ладонью по подбородку.

— Мы много общались после ее возвращения. Вспоминали прошлое. Потом поняли, что чувства никуда не делись.

Я смотрела на мужа.

На человека, с которым просыпалась каждое утро.

Которому покупала рубашки.

С которым растила дочь.

Ради которого десятки раз меняла планы.

— Какие чувства?

Он отвел взгляд.

Я неожиданно разозлилась.

— Алексей, посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Ты хочешь сказать, что влюблен в Татьяну?

Молчание.

Потом короткое:

— Да.

Я вцепилась пальцами в край стола.

— А я?

— Что ты?

— Я кто?

Он вздрогнул.

— Наташа, не надо так.

— А как надо? Ты только что сообщил мне, что влюблен в первую жену. Я спрашиваю, кто тогда я?

— Ты моя жена.

Я рассмеялась.

Нервно, коротко.

— Замечательно. Значит, я жена, а любишь ты Татьяну?

— Все гораздо сложнее.

— Тогда объясни.

Алексей долго молчал.

За окном кто-то громко смеялся. Проехала машина. На соседнем балконе зазвонил телефон.

Обычный субботний вечер.

В нашей квартире было чисто.

В холодильнике стоял торт.

На кухонном подоконнике цвела герань, которую Алексей подарил мне еще весной.

Все выглядело настолько привычно, что происходящее казалось ошибкой.

Сейчас муж скажет, что я неправильно поняла.

Что у Татьяны трудный период после смерти супруга.

Что они просто много разговаривали.

Что он растерялся.

Что любит меня.

Я почти приготовилась услышать эти слова.

Но Алексей сказал другое.

— Когда мы с Татьяной развелись, я был молодым и упрямым. Она тоже. Мы оба наделали ошибок.

— Знаю.

— Я тогда считал, что все правильно. Что мы не можем жить вместе.

— Знаю, Леша.

— А сейчас понимаю, что многое можно было решить иначе.

Я медленно покачала головой.

— И что?

— Мы оба об этом думаем.

— О чем именно?

Он тяжело вздохнул.

— О том, что слишком рано поставили точку.

У меня зазвенело в ушах.

— Подожди. Ты сейчас говоришь, что ваш развод двадцать шесть лет назад был ошибкой?

— Возможно.

— А наш брак тогда что?

Алексей поморщился.

— Наташа, я не хочу обесценивать то, что у нас было.

— Но ты именно это делаешь.

— Нет.

— Ты рассказываешь мне, что когда-то расстался с женщиной, которую продолжал любить. Потом женился на мне, прожил со мной двадцать четыре года, вырастил дочь. А теперь понял, что ошибся дверью?

— Не передергивай.

Я замолчала.

Он редко говорил мне таким тоном.

Не грубо.

Хуже.

Как человеку, который не способен понять очевидного.

— Я никогда не считал наш брак ошибкой, — сказал Алексей. — У нас была хорошая жизнь.

— Была?

Он не ответил.

Это слово вдруг стало самым страшным.

Была.

В прошедшем времени.

Хотя еще утром он целовал меня в висок.

Хотя неделю назад мы выбирали новый диван.

Хотя в апреле он говорил, что летом обязательно поедем на море.

— Ты уже все решил? — спросила я.

Муж посмотрел в сторону.

— Мы с Татьяной много обсуждали эту ситуацию.

— Я спрашиваю, ты решил?

— Да.

В груди стало тесно.

— Что именно?

Алексей опустил глаза.

— Я хочу вернуться к ней.

Я посмотрела на часы.

Было девять двадцать три.

Почему-то мне захотелось запомнить эту минуту.

Девять двадцать три, суббота, тридцатое мая.

В день нашей двадцать четвертой годовщины муж сообщил, что возвращается к первой жене.

Я медленно убрала руки со стола.

— Ты хочешь развестись?

— Думаю, это будет правильно.

— Для кого?

Он снова вздохнул.

— Наташа...

— Для кого, Леша? Для тебя? Для Татьяны? Для меня?

— Для всех нас.

Я смотрела на него и не узнавала.

Передо мной сидел тот же человек.

Те же глаза.

Тот же голос.

Шрам возле брови, который он получил еще молодым лейтенантом.

Я знала каждую черточку его лица.

И вдруг совершенно не понимала, кто он.

— Ты серьезно считаешь, что развод будет правильным для меня?

— Я считаю, что жить во лжи нельзя.

У меня перехватило дыхание.

— А до сегодняшнего дня можно было?

Он замер.

— Что?

— Ты сказал, что вы с Татьяной снова сблизились. Когда это произошло?

— Наташ, сейчас не время...

— Когда?

— Мы постепенно к этому пришли.

— Постепенно — это сколько?

Он потер переносицу.

— Я все объясню.

— Сейчас объясни.

— Не надо превращать разговор в скандал.

Я откинулась на спинку стула.

— Ты полгода собирался мне это сказать? Или год? Или еще дольше?

Он не ответил.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Не из-за Татьяны.

Не из-за развода.

Я поняла, что рядом со мной уже довольно давно жил человек, который знал нечто важное о нашей семье.

И скрывал это.

Каждый день.

За завтраком.

Во время совместных ужинов.

Когда мы обсуждали Лизу.

Когда выбирали, куда поехать летом.

Когда он обнимал меня в постели.

— Леша, — тихо сказала я, — у вас роман?

Муж поднял голову.

Несколько секунд он молчал.

Потом произнес:

— Да.

Я закрыла глаза.

Вот и все.

Слово было короткое.

Совсем маленькое.

Но после него невозможно было вернуться в прежний разговор.

— Ты мне изменял?

— Наташа...

— Да или нет?

— Да.

Я сделала вдох.

Потом еще один.

Мне хотелось заплакать, но слез почему-то не было.

— С ней?

— Да.

— Пока мы были женаты?

Он посмотрел на меня с таким выражением, словно я задавала бессмысленные вопросы.

— Мы и сейчас женаты, — сказал он.

Я молча кивнула.

Точно.

Мы и сейчас женаты.

Завтра я проснусь его женой.

Послезавтра тоже.

Буду варить кофе, выходить за продуктами, отвечать на звонки.

Только муж уже решил, с кем хочет прожить остаток жиз-

ни.

И эта женщина не я.

— Наташ, давай без взаимных обвинений.

Я подняла голову.

— Что?

Алексей сидел напротив и говорил уже спокойнее.

Похоже, самое трудное для него осталось позади.

Он признался.

Теперь хотел договориться.

— Я понимаю, что тебе больно. И не собираюсь делать вид, будто поступил хорошо.

— Ты изменял мне и собирался уйти. Как еще ты мог поступить?

— Я не знаю. Наверное, стоило рассказать раньше.

Я посмотрела на него.

— Наверное?

Он промолчал.

Я встала, подошла к окну и открыла форточку.

На улице пахло теплым асфальтом и недавно скошенной травой.

В соседнем доме горели окна.

Где-то ужинали.

Где-то смотрели телевизор.

У кого-то наверняка тоже был тяжелый день.

Но никто из этих людей не знал, что у меня только что

закончился брак.

Мне захотелось позвонить маме.

Потом я вспомнила, что мамы нет уже семь лет.

Алексей тогда сам занимался похоронами. Отвез меня домой, заставил поесть, сидел рядом всю ночь.

Я даже не представляла, как пережила бы тот месяц без него.

В памяти возникла его ладонь на моей спине.

И стало больнее.

Потому что я не могла просто взять и вычеркнуть все хорошее.

Оно было.

Я помнила.

— Наташа, — позвал муж.

Я не обернулась.

— Что?

— Нам надо решить, как дальше жить.

— Надо.

— Я не собираюсь тебя выгонять из квартиры. Можешь оставаться здесь, сколько потребуется.

Я медленно повернулась.

— Спасибо за разрешение.

Он нахмурился.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Квартира общая. Я понимаю. Просто хочу, чтобы ты

знала: никто не собирается делать тебе хуже.

Я вдруг почувствовала сильную злость.

До этого во мне были растерянность, обида и какой-то тяжелый страх.

Теперь пришла злость.

— Никто не собирается делать мне хуже? Леша, ты только что сказал, что изменял мне с бывшей женой и уходишь к ней. Что именно ты считаешь худшим вариантом?

— Я говорю о бытовых вопросах.

— А я говорю о нашей жизни!

Он резко выдохнул.

— Хорошо. Давай не будем сейчас о квартире.

— Давай.

— Я пока могу пожить отдельно. Потом спокойно обсудим имущество.

— Где отдельно?

Он посмотрел на меня.

— У Татьяны.

Я прикусила губу.

Конечно.

У Татьяны.

Где же еще?

На столе лежала коробочка с его подарком.

Я взяла ее, открыла.

Внутри находился темно-коричневый кожаный футляр.

Я выбрала его потому, что знала: Алексей любит простые

вещи без лишних украшений.

Даже цвет подбирала под его любимый ремень.

— Я хотела подарить тебе это сегодня, — сказала я.

Он посмотрел на футляр.

— Наташа...

— Старый совсем износился. Помнишь, ты жаловался?

— Помню.

— А я запомнила.

Я закрыла коробочку.

Он смотрел на меня, не двигаясь.

— Я не собирался делать тебе больно, — произнес Алексей.

Я подняла глаза.

— Ты правда сейчас в это веришь?

— Я говорю, что не хотел такого исхода.

— Но хотел к Татьяне.

Он кивнул.

— Да.

— И хотел, чтобы я тебя поняла.

— Я надеялся, что со временем ты поймешь.

Я села обратно.

— Что именно?

Алексей потер лоб.

— Что чувства иногда меняются. Что люди могут ошибаться. Мы с тобой взрослые.

— Мы с тобой взрослые, — повторила я. — Значит, ты

мог поговорить со мной до того, как начал спать с другой женщиной.

Он напрягся.

— Наташ...

— Ты мог честно сказать, что несчастлив. Что хочешь уйти. Что тебе нужно разобраться в себе. Мне было бы больно, но хотя бы ты не делал из меня дуру.

— Я понимаю.

— Нет. Ты сейчас говоришь так, будто мы обсуждаем неприятную командировку. Ты уже все решил и пришел сообщить результат.

Он отвел взгляд.

Я вспомнила, сколько раз слышала похожие слова.

Наташ, нас переводят.

Наташ, отпуск переносится.

Наташ, я не смогу приехать.

Наташ, так будет лучше.

Иногда Алексей действительно ничего не мог изменить.

Иногда мог, но не считал нужным обсуждать.

А я привыкла.

Подстраивалась.

Планировала новую жизнь вокруг его решения.

И сегодня он, кажется, ожидал того же.

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

Он заметно оживился.

— Я думаю, нам стоит немного успокоиться. Потом пого-

ворить с Лизой. Конечно, надо будет решить вопрос с квартирой и дачей. Я готов все обсудить нормально. Без судов и грязи.

— А с Татьяной вы уже обсудили?

Алексей замолчал.

— Что?

— Квартиру. Дачу. Деньги. Наш развод. Вы ведь много разговаривали?

— Мы обсуждали наше будущее.

— Ваше будущее, — уточнила я.

Он кивнул.

— Да.

— А мое?

— Наташа, ты самостоятельная женщина. У тебя есть профессия, друзья. Лиза взрослая. Ты справишься.

Я смотрела на него.

Он говорил без злобы.

Даже с какой-то уверенностью в моих силах.

Только почему-то от этих слов становилось все хуже.

Двадцать четыре года мы были семьей.

И теперь он объяснял мне, что я достаточно самостоятельная, чтобы справиться с его уходом.

Как будто это было еще одно испытание, которое мы должны достойно пройти.

Только проходить его предстояло мне одной.

— Ты думаешь, я не справлюсь? — спросила я.

— Нет. Я знаю, что справишься.

— Тогда зачем говоришь?

Он растерялся.

— Чтобы ты не боялась.

Я медленно покачала головой.

— Я боюсь, Леша.

Он потянулся ко мне через стол.

— Наташ...

Я отодвинула руку.

Он остановился.

— Я боюсь, потому что ничего не понимаю. Утром ты был моим мужем. Мы собирались отмечать годовщину. А вечером я узнала, что ты давно любишь другую женщину и собираешься с ней жить.

— Не говори «давно». Все было не так просто.

— А как?

Он молчал.

— Вот видишь. Даже сейчас ты не можешь сказать мне правду целиком.

Алексей нахмурился.

— Я собираюсь все рассказать. Только не сегодня.

Я посмотрела на часы.

Почти одиннадцать.

Впереди была ночь.

А завтра наступит воскресенье.

Лиза приедет за своим куском торта.

И мне придется смотреть дочери в глаза.

— Ты уже сказал Татьяне, что уходишь ко мне... то есть от меня? — спросила я.

Я оговорилась.

Алексей заметил.

Но не поправил.

— Да. Она знает.

Я сжала руки под столом.

— А я узнала последней.

Он ничего не сказал.

— Максим знает?

— Нет.

— Лиза?

— Конечно нет.

— Дина?

— Нет.

Я кивнула.

Значит, Максим действительно ничего не знал.

Я почувствовала неожиданное облегчение.

Мне не хотелось думать, что человек, которого я растила с семи лет, тоже скрывал от меня правду.

— Понятно, — сказала я.

Алексей осторожно спросил:

— Ты хочешь, чтобы мы вместе поговорили с Лизой?

Я посмотрела на него.

Вот он.

Наш привычный порядок.

Алексей решает.

А потом мы вместе объясняем детям, почему иначе было нельзя.

Я вдруг очень ясно представила этот разговор.

Муж сидит рядом со мной на диване, спокойно рассказывает Лизе о сложных чувствах взрослых людей.

Я молчу, чтобы не расстраивать дочь.

Потом он говорит, что мы все равно остаемся родителями и не должны ссориться.

А Лиза смотрит на меня, пытаясь понять, почему мама плачет.

Нет.

Так не будет.

— Я сама поговорю с дочерью, — сказала я.

— Наташ, мы должны...

— Ты поговоришь с ней как отец. Но не будешь просить меня объяснять твой поступок вместо тебя.

Он выпрямился.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

Некоторое время Алексей молчал.

Потом сказал:

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Давай завтра все обсудим спокойнее. Я могу пока остаться в кабинете.

Я посмотрела на него.

Он снова предлагал готовый план.

Уже решил, где будет спать.

Когда мы продолжим разговор.

Как сообщим детям.

Как разделим имущество.

Как я должна пережить его уход.

Я провела ладонями по лицу.

У меня болела голова.

Хотелось лечь, закрыть глаза и проснуться в другом дне.

В любом.

Только не в этом.

— Нет, Леша.

Он нахмурился.

— Что нет?

— Сегодня ты здесь не останешься.

— Наташа, уже поздно.

— Я вижу.

— Мы оба устали.

— Да.

— Так зачем сейчас принимать решения на эмоциях?

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты ведь уже принял решение. Не на эмоциях, как я понимаю. Хорошо все обдумал.

Он ничего не ответил.

— Ты хочешь жить с Татьяной. У нее есть квартира. Поезжай к ней.

Алексей медленно поднялся.

— Ты уверена?

Я почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

Нет.

Конечно, я не была уверена.

Я хотела, чтобы он остался.

Чтобы подошел, обнял, сказал, что все это ужасная ошибка.

Чтобы мы вернулись в сегодняшнее утро.

Или во вчерашний вечер.

Или хотя бы на неделю назад.

Я хотела вернуть человека, с которым прожила больше половины жизни.

Но тот человек уже делил себя между двумя женщинами.

И сегодня выбрал не меня.

— Да, — сказала я.

Алексей стоял посреди кухни.

Я видела, как он собирался что-то добавить.

Наверное, снова сказать, что не хотел причинять боль.

Или попросить отнестись к ситуации разумно.

Или напомнить, что мы взрослые люди.

Но я больше не хотела слушать.

— Только одну вещь запомни, Леша.

Он посмотрел на меня.

— Какую?

Я с трудом сглотнула.

— Ты можешь решать, с кем тебе жить. Кого любить. К кому возвращаться. Это твой выбор.

Он молчал.

— Но не надо больше решать за меня. Не надо говорить, что для меня будет лучше, когда мне успокоиться и как я должна к этому относиться.

Алексей опустил глаза.

— Хорошо.

Я встала.

— Собери вещи, которые нужны на ночь. Об остальном поговорим позже.

Он задержался возле двери.

— Наташ, мне правда жаль.

Я посмотрела на него.

И впервые за весь вечер не стала его успокаивать.

— Мне тоже.

Алексей вышел.

Я услышала, как он открыл шкаф в спальне.

Передвинул вешалки.

Выдвинул ящик.

Потом долго что-то искал.

Наверное, чистую рубашку.

И я вдруг поймала себя на желании пойти и помочь.

Я ведь знала, где лежат его рубашки.

Где носки.

Где сменные очки.

Где таблетки от головной боли.

Я знала все.

Двадцать четыре года знала.

Но осталась на кухне.

Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Не громко.

Алексей никогда не хлопал дверями.

Я подошла к окну.

Во дворе зажглись фонари. Возле подъезда стояла его машина.

Муж положил сумку в багажник, сел за руль.

Некоторое время машина не двигалась.

Я смотрела на нее, положив ладонь на подоконник.

Потом загорелись фары.

Алексей выехал со двора.

Я вернулась к столу.

В холодильнике стоял торт.

Рядом лежал подарок, который я так и не вручила.

На стене висела наша свадебная фотография.

Я сняла ее.

Не разбила.

Не выбросила.

Просто поставила лицом к стене на полку.

Потом выключила свет на кухне и прошла в спальню.

На его стороне кровати лежала забытая книга.

Я взяла ее, чтобы убрать, и увидела между страницами

старую бумажную закладку.

Ее сделала Лиза еще маленькой.

На картонке кривыми буквами было написано:

«Папе, чтобы ты скорее возвращался домой».

Я села на край кровати.

И наконец заплакала.

Глава 2. Двадцать четыре года

Утром я проснулась от телефонного звонка.

Первые несколько секунд лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, почему в спальне так тихо.

Алексей обычно вставал раньше меня. Даже после отставки продолжал просыпаться в шесть тридцать, словно будильник был встроен у него где-то внутри. Шел на кухню, включал кофемашину, иногда гремел посудой, потому что никак не мог запомнить, в каком шкафу лежат маленькие чашки.

Я хотела крикнуть, чтобы он ответил на звонок.

И только потом вспомнила вчерашний вечер.

Муж ушел.

Не на службу, не к сослуживцам и не в командировку.

К первой жене.

Я открыла глаза.

На его половине кровати никто не спал. Подушка лежала ровно, покрывало даже не помялось.

Телефон продолжал звонить.

На экране высветилось имя Лизы.

Я посмотрела на время.

Девять сорок.

— Мам, привет! Ты проснулась?

Голос дочери был бодрым и радостным.

— Да, солнышко.

— Я тут подумала, может, пораньше к вам заеду? У меня потом встреча с девчонками.

Я села на кровати.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать. Вы дома?

Я посмотрела на пустую половину кровати.

— Я дома.

— А папа?

Ответить оказалось неожиданно трудно.

— Папы нет.

— Опять куда-то уехал?

Я закрыла глаза.

— Лиза, приезжай. Нам нужно поговорить.

Дочь помолчала.

— Мам, что случилось?

— Приезжай, пожалуйста.

— Ты меня пугаешь.

— Со мной все нормально. Только приезжай.

Я отключилась раньше, чем она успела задать следующий вопрос.

Потом еще несколько минут сидела на кровати.

Мне казалось, что стоит встать, умыться, приготовить завтрак, и все станет немного понятнее.

Но привычные действия неожиданно потеряли смысл.

Обычно я начинала утро с вопроса, что будет делать Алексей.

Если он собирался рано уезжать, готовила завтрак быстрее. Если оставался дома, могла не торопиться. Если ждал гостей, заранее проверяла холодильник.

Сегодня мне не требовалось ни под кого подстраиваться.

Можно было вообще не вставать.

Эта мысль не принесла облегчения.

Я заставила себя подняться, дошла до ванной и включила холодную воду.

В зеркале отражалась женщина с опухшими глазами и растрепанными волосами.

Я выглядела так, словно заболела.

— Замечательно, Наталья Сергеевна, — сказала я своему отражению. — Просто замечательно.

Умылась.

Почистила зубы.

Собрала волосы.

Потом открыла шкаф.

На полках, где Алексей хранил белье, появились пустые промежутки.

Он забрал несколько рубашек, брюки, спортивный костюм и часть личных вещей. Остальное осталось на месте.

Я провела ладонью по полке.

Вчера еще могла злиться на его спокойствие.

Сегодня хотелось выть.

Не потому, что муж забрал рубашки.

Потому что он уже знал, куда их повезет.

У него был другой дом.

Другая женщина.

И, судя по вчерашнему разговору, он готовился к этому давно.

Лиза приехала без пятнадцати одиннадцать.

Я открыла дверь и увидела дочь с бумажным пакетом в руках.

— Мам, что у тебя с лицом?

— Здравствуй и тебе.

Она не улыбнулась.

Перешагнула порог, поставила пакет на тумбочку.

— Ты плакала?

Я кивнула.

Лиза мгновенно побледнела.

— Что с папой?

— Он жив и здоров.

Дочь выдохнула.

— Господи, мама! Я уже подумала...

Она осеклась.

Посмотрела на меня внимательнее.

— Вы поругались?

Я закрыла дверь.

— Раздевайся.

— Мам.

— Лиза, пожалуйста. Давай пройдем на кухню.

Она молча сняла куртку.

На кухне все осталось почти таким же, как вчера. Только праздничная скатерть была убрана, а на столе стояла одна чашка.

Я поставила чайник.

Руки действовали сами.

Достала тарелки.

Открыла холодильник.

Увидела торт и почувствовала, как к горлу подкатила тошнота.

— Мам, — позвала Лиза. — Посмотри на меня.

Я повернулась.

Дочь стояла возле стола.

— Что произошло?

Я закрыла холодильник.

— Папа от меня ушел.

Несколько секунд она просто смотрела на меня.

Потом нахмурилась.

— Куда ушел?

Я не сразу поняла вопрос.

— Из семьи.

— Я понимаю. Куда?

— К Татьяне.

Лиза моргнула.

— К какой Татьяне?

— К маме Максима.

Она рассмеялась.

Коротко, нервно.

— Мам, подожди. Ты что-то не так поняла.

Я опустилась на стул.

— Хотела бы.

— Папа просто поехал к ней? Из-за этого вы поссорились?

— Лиза, у них роман.

Дочь медленно села напротив.

— Что?

— Папа вчера признался, что встречается с Татьяной. Они хотят снова жить вместе.

Она смотрела на меня так, словно я говорила на незнакомом языке.

— Но они же развелись сто лет назад.

— Двадцать шесть.

— Да какая разница!

Лиза резко поднялась.

Прошла к окну.

Потом вернулась.

— Подожди. Ты серьезно?

— Да.

— Папа сам тебе сказал?

— Да.

— И что он собирается делать?

Я сглотнула.

— Разводиться со мной.

Дочь схватила телефон.

— Я ему сейчас позвоню.

— Лиза.

— Нет, мама, это вообще что такое?

Она уже нашла номер.

Я протянула руку.

— Подожди.

— Почему?

— Потому что сначала хочу поговорить с тобой.

Лиза смотрела на меня с таким возмущением, что я впервые за утро почувствовала себя немного увереннее.

Не одна я считала происходящее ненормальным.

— Хорошо, — сказала она и положила телефон экраном вниз. — Рассказывай.

Я рассказала.

О нашей годовщине.

О несостоявшейся поездке.

О видеозвонке Сони.

О том, как увидела Алексея у Татьяны.

И о вечернем разговоре.

Без подробностей, которых дочери знать было необязательно.

Но и без попыток оправдать мужа.

Лиза слушала, иногда задавала вопросы.

Когда я закончила, она долго молчала.

Потом спросила:

— А сколько это продолжается?

— Он не сказал точно.

— То есть даже этого не сказал?

— Нет.

Она закрыла лицо ладонями.

— Не верю.

Я смотрела на ее опущенную голову.

Вдруг вспомнила, какой маленькой она была, когда Алексей впервые уехал на несколько месяцев и почти не мог приезжать домой.

Лиза тогда каждую ночь спрашивала, когда папа вернется.

Я объясняла, что он работает.

Что скучает.

Что обязательно приедет.

И что мы должны быть терпеливыми.

Потом она выросла.

Но, кажется, привычка ждать отца осталась у нас обеих.

— Мам, а может, он просто запутался?

Я подняла глаза.

Лиза смотрела на меня осторожно.

— В каком смысле?

— Ну... У Татьяны муж умер. Она осталась одна. Папа стал ей помогать. Может, они сами еще не понимают, что делают?

— Папа сказал, что хочет к ней вернуться.

— Я слышала. Но люди иногда такое говорят, когда...

Она запнулась.

— Когда что, Лиза?

— Когда у них сложный период.

Я медленно выдохнула.

Вот оно.

То, чего я боялась.

Дочь хотела сохранить нашу семью.

И ради этого уже начинала искать объяснения поступку отца.

Я не могла ее винить.

Еще вчера сама объясняла его отсутствие срочными делами.

— Лиз, — сказала я, — папа не мальчик. Ему пятьдесят четыре года.

— Я знаю.

— Он взрослый человек, который полгода или сколько-то еще встречался с другой женщиной. А вчера сказал, что хочет уйти к ней. Что именно он должен перепутать?

Она опустила глаза.

— Не знаю.

Я потянулась через стол и взяла ее за руку.

— Послушай. Я не прошу тебя выбирать между нами.

Лиза подняла голову.

Глаза у нее блестели.

— Но как я могу после такого с ним нормально разговаривать?

— Не знаю. Сейчас, наверное, будет трудно.

— Он же тебя предал.

У меня задрожали губы.

— Да.

Я впервые произнесла это слово вслух.

Не «запутался».

Не «вернулся к прошлому».

Предал.

Лиза сжала мою руку.

— Мам, мне так жалко.

И тут я заплакала.

Тихо.

Без рыданий.

Просто слезы потекли по лицу, и я не успевала их вытирать.

Дочь пересела ко мне, обняла.

Я уткнулась лбом в ее плечо.

Она пахла знакомыми духами и каким-то сладким шампунем.

Моя девочка.

Взрослая.

Самостоятельная.

Я столько лет старалась оградить ее от неприятностей.

И теперь она сидела рядом, гладила меня по спине и не знала, как помочь.

— Мам, может, он одумается, — прошептала она.

Я не ответила.

— Может, вы пока не будете торопиться с разводом?

Я отстранилась.

— Лиза.

— Я понимаю, что он виноват. Правда понимаю. Просто двадцать четыре года...

Она развела руками.

— Неужели можно вот так взять и все закончить?

Я посмотрела на дочь.

Вопрос был хорошим.

Я сама задавала его себе всю ночь.

— Не знаю, солнышко. Но закончила это не я.

Лиза опустила голову.

— Прости.

— Тебе не за что извиняться.

Мы немного посидели молча.

Потом она неожиданно спросила:

— А ты его еще любишь?

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Вчера этот вопрос казался бы нелепым.

Конечно, люблю.

Я любила Алексея много лет.

Привыкла к его голосу, рукам, смеху.

Знала, каким он становится после тяжелого дня.

Умела развеселить, когда он сердился.

Помнила, как мы держались за руки в роддоме, когда ро-

дилась Лиза.

Любовь не исчезала за одну ночь только потому, что человек поступил подло.

— Да, — ответила я.

Дочь снова заплакала.

— Тогда почему...

— Потому что моей любви теперь недостаточно.

Она молчала.

Я погладила ее по волосам.

— И ты не должна это исправлять. Слышишь?

Лиза кивнула.

Потом вытерла лицо ладонями.

— Можно я все-таки папе позвоню?

— Конечно.

— Я скажу ему, что он идиот.

— Это уже твой разговор с отцом.

Она невесело усмехнулась.

— А торт остался?

Я посмотрела на холодильник.

— Почти целый.

— Давай есть.

— Сейчас?

— Да. А то я вчера всем рассказывала, что у тебя будет клубничный торт, и теперь хочу попробовать.

Я поднялась.

Достала торт.

Отрезала дочери большой кусок.

Себе — маленький.

Лиза попробовала крем и закрыла глаза.

— Мам, вкусно невероятно.

Я посмотрела на нее.

— Правда?

— Очень.

Она придвинула ко мне тарелку.

— И ты ешь.

Мы сидели за столом и ели праздничный торт на следующий день после разрушенной годовщины.

Я не знала, что будет дальше.

Но впервые с вечера мне удалось проглотить несколько кусочков без тошноты.

После ухода Лизы я решила разобрать документы.

Не потому, что уже знала, как буду разводиться.

Просто мне нужно было занять руки.

Я открыла нижний ящик письменного стола.

Там хранились свидетельства, договоры, старые квитанции, документы на квартиру и дачу.

Алексей всегда доверял мне домашние бумаги.

Сам разбирался со служебными, а семейные оставлял на мое усмотрение.

Я достала папку с документами на квартиру.

Мы покупали ее девять лет назад.

Тогда Алексей еще служил, но уже получил повышение, и мы наконец могли позволить себе хорошее жилье.

Я помнила, как мы ходили по пустым комнатам и спорили, где поставить диван.

Муж хотел большой телевизор.

Я мечтала о рабочем месте у окна.

В итоге сделали и то и другое.

Дача появилась позже.

Небольшой участок с деревянным домом, который мы собирались постепенно приводить в порядок.

Алексей любил приезжать туда весной.

Разводил мангал, возился с инструментами, строил планы на новую беседку.

Я занималась цветами.

Последние два года мы обсуждали, не стоит ли сделать в доме отопление, чтобы приезжать зимой.

Теперь я сидела на полу перед открытым ящиком и смотрела на договор купли-продажи.

Интересно, Татьяна любит дачи?

Потом мне стало противно от собственного вопроса.

Какая разница?

Я не собиралась мысленно рассаживать их на нашей террасе.

Я хотела понять, что принадлежит мне.

И как дальше жить.

Телефон зазвонил.

Алексей.

Я посмотрела на экран.

Не ответила сразу.

Дала себе время.

Потом нажала зеленую кнопку.

— Слушаю.

— Наташ, привет.

Голос был привычным.

Спокойным.

Словно вчера ничего не произошло.

— Привет.

— Как ты?

Я посмотрела на разложенные бумаги.

— Плохо.

Он помолчал.

— Понимаю.

Мне хотелось спросить, действительно ли понимает.

Но я удержалась.

— Ты что-то хотел?

— Да. Нужно забрать некоторые вещи. Я вчера не все взял.

— Какие?

— Одежду, документы. Компьютерные принадлежности.

— Приезжай завтра.

— Может, сегодня?

Я посмотрела на часы.

Было почти четыре.

— Сегодня не хочу тебя видеть.

— Наташ, мне нужны вещи.

— Тогда напиши список, я соберу и оставлю у двери.

Он вздохнул.

— Не надо усложнять.

Я закрыла глаза.

— Леша, ты позвонил на следующий день после того, как сообщил об измене. Я говорю, что не хочу сегодня тебя видеть. Что тут сложного?

Он помолчал.

— Хорошо. Завтра во сколько?

— После шести.

— Договорились.

Я уже собиралась отключиться, когда он сказал:

— Наташа, я хотел еще кое-что уточнить.

— Что?

— Мы вчера не договорили.

Я сжала телефон.

— О чем?

— О наших отношениях.

— Что еще ты хочешь сообщить?

Он замялся.

— Я понимаю, что все вышло некрасиво. Но не хочу, чтобы ты считала, будто наш брак ничего для меня не значил.

Я закрыла папку.

— Тогда зачем говорил, что все эти годы любил Татьяну?

— Я не говорил, что все годы.

— Ты сказал, что чувства никуда не делись.

— Это не одно и то же.

Я почувствовала раздражение.

— Объясни разницу.

Алексей вздохнул.

— У нас с Татьяной осталась связь. Мы родители Максима. Мы вместе прошли тяжелое время. И когда снова начали общаться, я понял, что многое из того, что считал законченным, на самом деле осталось.

— А со мной?

— Что ты имеешь в виду?

— Что осталось от нас?

Муж молчал.

— Ты ведь не можешь просто сказать, что ничего не было, Леша.

— Я и не говорю.

— Тогда скажи, что было.

Он ответил не сразу.

— Ты была хорошей женой.

Я уставилась на стену.

Хорошей женой.

Словно он составлял мне характеристику.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Наташ...

— А ты был хорошим мужем. По крайней мере, я так думала.

— Я старался.

— Знаю.

Несколько секунд мы молчали.

Потом я спросила:

— Сколько вы встречаетесь?

— Мы давно общаемся.

— Я не про общение.

Он тяжело выдохнул.

— Примерно полгода.

Я закрыла глаза.

Полгода.

С ноября.

В ноябре у Алексея был день рождения.

Я устроила дома ужин.

Пригласила Лизу, Максима с Диной и Соней, нескольких его друзей.

Помню, как он обнимал меня на кухне, пока гости сидели в гостиной.

— Хорошо у нас, Наташка, — сказал он тогда.

Я улыбнулась, потому что тоже так считала.

Теперь мне захотелось узнать, до или после этого ужина он впервые поцеловал Татьяну.

Но я не спросила.

Вопросы могли не закончиться никогда.

— Ты с ноября мне изменял?

— Да.

— А когда мы в январе ездили к Лизе на новоселье?

— Наташа...

— Ты уже встречался с ней?

— Да.

— Когда в феврале мы обсуждали поездку на годовщину?

— Да.

Я прикусила губу.

— Когда в апреле ты подарил мне цветы на день рождения?

Он молчал.

Ответ был понятен.

— Леша, скажи мне одну вещь.

— Какую?

— Ты вообще собирался сам рассказать?

Он ответил не сразу.

— Да.

— Когда?

— Я искал подходящий момент.

Я посмотрела на фотографию в рамке на письменном столе.

Мы с Алексеем стояли возле моря.

Он обнимал меня за талию.

Оба смеялись.

— Подходящего момента не нашлось за полгода?

— Наташа, мне тоже было непросто.

Вот тут я не выдержала.

— Тебе было непросто?

— Я не это имел в виду.

— Ты встречался с другой женщиной, возвращался домой ко мне, спал со мной, обсуждал наши планы. И теперь говоришь, что тебе было непросто?

— Я не пытаюсь оправдаться.

— Именно этим ты занимаешься.

Он замолчал.

Я вытерла глаза.

Слезы снова потекли сами собой.

— Завтра после шести, — сказала я. — Заберешь вещи.

— Хорошо.

— И давай дальше говорить только о том, что нужно решить.

— Наташ...

— До завтра.

Я отключилась.

Положила телефон на пол рядом с документами.

И несколько минут просто сидела.

Теперь я знала срок.

Полгода.

Сто восемьдесят с лишним дней, в течение которых мой муж возвращался домой и делал вид, что мы по-прежнему семья.

Мне захотелось вспомнить каждый из них.

Каждый вечер.

Каждый поцелуй.

Каждую встречу.

Но я понимала, что не выдержу.

Я подняла с пола документы, аккуратно сложила их в папку и написала на обложке:

«Квартира. Дача. Деньги».

Потом взяла чистый лист.

Вверху написала:

«Что делать дальше».

Ниже оставила пустое место.

Я не знала ответа.

Но впервые собиралась искать его сама.

В понедельник утром я позвонила Оксане.

— Ну наконец-то! — услышала я вместо приветствия. — Я уже решила, что тебя похитили.

— Нет, я дома.

— Ты фотографии посмотрела?

— Посмотрела.

— И?

— Хочу приехать.

На том конце повисла пауза.

— Прямо сегодня?

— Если можно.

— Конечно можно. Только у меня тут с утра сумасшедший дом. Приходи после двенадцати.

— Хорошо.

— Наташа, у тебя голос странный.

Я опустилась на край кровати.

— Оксан, у меня Алексей ушел.

Несколько секунд она молчала.

Потом спросила:

— Куда?

Я невесело усмехнулась.

— Все почему-то спрашивают именно это.

— А куда надо спрашивать?

— К первой жене.

— Подожди.

Я услышала, как подруга что-то передвинула.

— Как это к первой жене?

— В самом прямом смысле. У них роман. Он хочет вернуться к ней.

Оксана выругалась.

Грубо.

Совсем не так, как обычно разговаривала с заказчиками.

Я неожиданно рассмеялась.

— Ты чего смеешься? — спросила она.

— Не знаю. Наверное, потому что больше не могу плакать.

Подруга помолчала.

— Наташ, приезжай. Не обязательно работать. Просто приезжай, ладно?

— Я хочу работать.

— Хорошо. Тогда приезжай работать.

Она отключилась.

Я посмотрела на себя в зеркало.

Вчерашняя одежда висела на спинке стула.

В шкафу лежали хорошие брюки, которые я почти не носила. Купила для поездки в Москву, но потом решила, что они слишком нарядные для обычной жизни.

Я достала их.

Надела светлую блузку.

Собрала волосы, подкрасила ресницы.

Посмотрела на отражение.

Сорок пять лет.

Не девочка.

Но и не старуха.

Руки у меня были крепкие, пальцы ловкие. Глаза все еще хорошо различали мелкие детали, хотя последние пару лет я начала пользоваться очками для особенно тонкой работы.

Я умела строить выкройки, работать с дорогими тканями, исправлять чужие ошибки.

И почему-то совершенно не знала, как исправить собственную жизнь.

Я взяла сумку.

Перед выходом посмотрела на телефон.

От Алексея сообщений не было.

Я поймала себя на том, что разочаровалась.

Вот до чего дошло.

Муж ушел к другой, а я все равно ждала, что он позвонит.

Я убрала телефон в сумку и вышла.

Мастерская Оксаны располагалась в старом двухэтажном здании недалеко от центра.

На первом этаже находились магазин тканей и небольшая кофейня. На втором — несколько помещений, которые Оксана арендовала под работу.

Я давно здесь не была.

Когда поднялась по лестнице, услышала знакомый звук швейных машин.

Пахло нагретой тканью, пылью от раскроя и кофе.

Я остановилась в дверях.

За большим столом две девушки раскладывали детали костюма. У окна стоял манекен в недошитом платье. На полках лежали коробки с фурнитурой, рулоны ткани, папки с образцами.

Оксана вышла из соседней комнаты с телефоном в руке.

Увидела меня.

Сразу убрала телефон в карман.

— Наталья Сергеевна!

Она подошла и крепко обняла.

Я прижалась к ней.

На секунду захотелось рассказать все.

Про годовщину.

Про Татьяну.

Про полгода измены.

Про пустую кровать.

Но Оксана просто держала меня за плечи.

Потом отстранилась.

— Кофе?

— Да.

— Тогда пошли.

Она завела меня в маленькую комнату, где стояли диван, холодильник и кофемашина.

— Садись.

Я села.

Подруга поставила передо мной чашку.

— Сахар?

— Две ложки.

Оксана удивленно посмотрела.

— Ты же без сахара пьешь.

Я пожала плечами.

— Сегодня хочу сладкий.

Она ничего не сказала.

Только подала сахарницу.

Я размешала кофе.

Попробовала.

Было вкусно.

Неожиданно вкусно.

— Ну, рассказывай, — сказала Оксана.

Я рассказала.

На этот раз короче.

Без подробностей, которые уже успели превратиться в занозы.

Подруга слушала внимательно.

Не перебивала.

Только когда я дошла до слов Алексея о возвращении к первой жене, покачала головой.

— Вот ведь...

Она не закончила.

Я усмехнулась.

— Да. Примерно это я и думаю.

— Наташ, ты что собираешься делать?

— Разводиться.

— Он согласен?

— Сам хочет.

— Имущество?

— Квартира, дача, накопления. Все совместное.

— Юрист нужен.

— Понимаю.

Оксана отпила кофе.

— Я могу дать контакт хорошего специалиста. Мы с ней договоры по работе проверяли. По семейным вопросам она тоже консультирует.

— Дай.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

— Ты уверена, что сейчас готова этим заниматься?

Я задумалась.

— Не знаю. Но если не займусь, буду сидеть дома и вспоминать, что он говорил мне в ноябре.

— Понимаю.

Она встала и достала папку.

— Тогда давай о работе.

Я почувствовала облегчение.

Оксана разложила передо мной фотографии.

На одной было платье из плотной темной ткани.

На другой — светлое прогулочное платье с широкими рукавами.

Я сразу придвинула вторую фотографию.

— Вот это интереснее.

— Знала, что тебе понравится.

— Тут сложная конструкция плеча.

— Угу.

— Если делать просто по фотографии, получится неправильно. Нужен пробник. И надо понять, как будет сидеть на манекене.

Оксана улыбнулась.

— Продолжай.

Я достала очки.

Увеличила фотографию на планшете.

Мы обсуждали детали почти час.

Я забыла о телефоне.

Забыла о квартире.

О муже.

О том, что вчера проснулась одна.

Передо мной была понятная задача.

Ткань.

Конструкция.

Сроки.

Работа, которую можно выполнить хорошо или плохо.

И результат зависел от меня.

— Наташ, — сказала Оксана, когда мы закончили, — ты возьмешь?

Я посмотрела на нее.

— Возьму.

— Отлично.

Она открыла блокнот.

— Тогда сразу обсудим деньги.

Я назвала сумму.

Потом испугалась, что слишком много.

Хотела добавить, что можно дешевле.

Но Оксана уже считала.

— Нормально, — сказала она. — Давай так и запишем.

Я замолчала.

— Что? — спросила подруга.

— Ничего.

— Наташа.

Я улыбнулась.

— Просто давно не называла цену за большую работу.

— Привыкай.

Она записала сроки.

Потом серьезно посмотрела на меня.

— И еще. Я тебя люблю, но работа есть работа. Если понимаешь, что не успеваешь, говоришь сразу. Не за день до сдачи.

— Договорились.

— И не надо сейчас доказывать всем, что ты железная женщина. Будет трудно — скажешь.

Я кивнула.

Оксана протянула руку через стол.

— Ну что, вернулась?

Я пожала ее ладонь.

— Похоже на то.

И впервые за несколько дней улыбнулась без усилия.

Вечером Алексей приехал за вещами.

Я знала точное время.

Он написал заранее, как я просила.

Все равно, когда услышала звонок, сердце болезненно дернулось.

Я открыла дверь.

Муж стоял на пороге с дорожной сумкой.

Выглядел уставшим.

На висках седина казалась заметнее.

— Привет, — сказал он.

— Проходи.

Он снял обувь.

Автоматически поставил ее туда, где всегда стояли его ботинки.

Потом оглянулся.

Я знала, что он заметил отсутствие нашей свадебной фотографии на стене гостиной.

Но ничего не спросил.

— Я быстро, — сказал Алексей.

— Хорошо.

Он пошел в спальню.

Я осталась в коридоре.

Через несколько минут услышала, как он открывает шкаф.

Потом позвал:

— Наташ!

Я вздрогнула.

— Что?

— Где у меня серый свитер?

Я закрыла глаза.

Серый свитер.

Который он носил зимой.

Который я стирала специальным средством, чтобы не рас-

тягивался.

Который лежал на верхней полке рядом с шерстяными шарфами.

Я прекрасно знала, где он.

Открыла рот, чтобы ответить.

И остановилась.

— Посмотри на верхней полке.

— Там нет.

Я подошла к двери спальни.

Алексей стоял перед открытым шкафом.

На кровати лежали рубашки, брюки и несколько футболок.

Я посмотрела на верхнюю полку.

Свитер был там.

В аккуратно сложенной стопке.

Прямо перед ним.

— Вот он, — сказала я.

Муж обернулся.

— А, точно.

Взял свитер.

Потом посмотрел на меня.

— Спасибо.

Я кивнула.

Он начал складывать вещи в сумку.

Я стояла у двери и смотрела.

В какой-то момент заметила, что он положил дорогой

шерстяной пиджак под тяжелую коробку с обувью.

Хотела сказать, что помнет.

Прикусила язык.

Пусть помнет.

Пусть сам разбирается.

Пусть Татьяна потом объясняет, почему его вещи нельзя так складывать.

Но последняя мысль принесла не удовольствие, а какую-то горькую усталость.

— Леша, — сказала я, — мне нужно знать, собираешься ли ты оформлять развод официально.

Он выпрямился.

— Да.

— Когда?

— Можем подать заявление на этой неделе.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Ты уверена, что не хочешь немного подождать?

Я посмотрела на него.

— Зачем?

Он помедлил.

— Просто не хочу, чтобы все происходило слишком резко.

Я чуть не рассмеялась.

— Леша, ты уже живешь с другой женщиной.

Он отвел взгляд.

— Знаю.

— Тогда что именно мы должны ждать?

— Ничего. Я просто спросил.

Я прошла к комоду и достала папку.

— Вот копии документов на квартиру и дачу. Оригиналы пока у меня. Нужно решить, как будем делить имущество.

Алексей посмотрел на папку.

— Ты уже все подготовила?

— Начала.

— Наташа, мы же можем спокойно договориться.

— Именно поэтому я и предлагаю поговорить.

Он взял папку.

Полистал.

— Квартиру, наверное, придется продавать.

Нашу квартиру.

Комнаты, которые мы выбирали вместе.

Кухню, где двадцать четыре года отмечали годовщины и дни рождения.

Нет.

Не двадцать четыре.

В этой квартире мы жили девять лет.

До нее были другие.

Но именно здесь мне впервые казалось, что мы наконец дома.

— Наверное, — ответила я.

— Дачу тоже можно продать. Деньги поделим.

— Да.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Ты согласна?

— А что ты предлагаешь?

— Нет, я просто...

Он замолчал.

Я поняла, что Алексей ожидал другого.

Слез.

Споров.

Может быть, просьбы оставить мне квартиру в обмен на надежду, что он еще вернется.

Но я не собиралась торговаться за его присутствие.

— Я хочу, чтобы все было честно, — сказала я. — Без попыток наказать друг друга деньгами.

— Согласен.

— И без решения за моей спиной.

Он посмотрел на меня.

— Наташ...

— Это важно.

— Хорошо.

Я кивнула.

Алексей снова занялся вещами.

Через несколько минут сумка была полна.

Он застегнул молнию.

Оглядел спальню.

— Остальное потом заберу.

— Договоримся о времени.

Он поднял сумку.

В прихожей остановился.

— Наташа, мне не хотелось, чтобы все так закончилось.

Я смотрела на него.

Вчера эти слова вызвали бы у меня слезы.

Сегодня только усталость.

— А как ты хотел?

Он не ответил.

— Чтобы я улыбнулась и пожелала вам счастья?

— Нет.

— Чтобы сказала, что понимаю?

— Я не знаю.

Впервые за весь разговор он действительно выглядел растерянным.

Я посмотрела на его лицо.

Вспомнила молодого лейтенанта, который когда-то стоял передо мной с букетом белых роз.

Вспомнила, как мы вместе выбирали имя дочери.

Как он держал меня за руку после смерти мамы.

Как ночью искал лекарство, когда я заболела и не могла сбить температуру.

Все это было.

И никуда не исчезало.

Но рядом с этими воспоминаниями теперь стояли другие.

Его полугодовая ложь.

Поездки к Татьяне.

Спокойный разговор о разводе.

— Леша, — сказала я, — скажи честно. Ты последние годы был со мной несчастлив?

Он долго молчал.

— Не всегда.

Я почувствовала боль.

— Не всегда?

— Наташ, у нас были хорошие годы. Я не отрицаю.

— А плохие?

Он пожал плечами.

— Мы привыкли друг к другу. Многое стало обычным.

Я смотрела на него.

— Обычным?

— Да. Я не говорю, что это плохо. Просто...

Он не закончил.

А я вдруг поняла.

Для него привычная жизнь стала чем-то недостаточным.

Наши разговоры.

Наш дом.

Мои заботы.

Все, что я считала спокойным счастьем.

Он воспринимал как обыденность, из которой захотелось вырваться.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

— Наташа, я не хотел тебя обидеть.

— Ты уже обидел.

Он опустил глаза.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Потом Алексей взял сумку.

— Я позвоню насчет заявления.

— Хорошо.

Он вышел.

На этот раз я не подошла к окну.

Просто закрыла дверь.

Повернула ключ.

И прислонилась к стене.

На следующий день я встретилась с юристом.

Ее звали Ирина Павловна.

Невысокая женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и спокойными карими глазами.

Кабинет находился в небольшом офисном здании.

На столе стояли компьютер, стакан с ручками и маленький кактус.

Мне почему-то понравился этот кактус.

Он выглядел совершенно равнодушным к чужим семейным трагедиям.

— Расскажите, какая у вас ситуация, — попросила Ирина Павловна.

Я начала говорить.

Сначала сбивчиво.

Потом спокойнее.

Объяснила, сколько мы женаты, что дочь совершеннолетняя, какое имущество имеется.

Ирина Павловна задавала конкретные вопросы.

Когда купили квартиру?

На кого оформлена?

Есть ли брачный договор?

Какие документы на дачу?

Какие накопления?

Я отвечала.

Она записывала.

— Если оба согласны на развод и общих несовершеннолетних детей нет, можно обратиться в загс, — объяснила она. — С имуществом будем разбираться отдельно.

Я кивнула.

— А если муж потом передумает?

— В отношении имущества или развода?

Я задумалась.

— Наверное, и того и другого.

Она посмотрела на меня.

— Наталья Сергеевна, мне важно понять, чего хотите вы.

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Я посмотрела на свои руки.

— Я хочу, чтобы все закончилось нормально.

— Это слишком общее желание. Что именно для вас важ-

но?

Я молчала.

Ирина Павловна не торопила.

Потом я сказала:

— Чтобы меня не оставили без жилья.

— Понятно.

— Чтобы не пришлось просить у мужа деньги.

— Хорошо.

— И чтобы я не зависела от того, в каком настроении он будет завтра.

Юрист кивнула.

— Вот с этого и начнем.

Она объяснила, какие документы нужно собрать, какие оценки имущества могут понадобиться и почему устные договоренности лучше заменять письменными.

Мы обсудили продажу квартиры.

Я спросила, можно ли получить свою долю деньгами и купить другое жилье.

— Конечно, если вы договоритесь о порядке продажи и разделе средств, — ответила она. — Только сначала нужно понимать реальную стоимость имущества и все обязательства, если они есть.

Мы еще некоторое время говорили.

Я записывала.

Иногда переспрашивала.

Мне было неловко от собственного незнания.

Столько лет я занималась семейными документами, оплачивала счета, следила за расходами.

Но никогда всерьез не представляла, что придется делить нашу жизнь на две отдельные части.

— Вы хорошо подготовились, — заметила Ирина Павловна, когда я достала последнюю выписку.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Правда?

— Да. У вас все основные документы под рукой. Многие приходят, даже не зная, на кого оформлена квартира.

Я невольно улыбнулась.

— Домашними бумагами всегда занималась я.

— Это сейчас вам помогает.

Я посмотрела на папку.

Оказывается, даже мои старые привычки могли пригодиться лично мне.

Мы договорились, что я соберу недостающие сведения и свяжусь с ней, если возникнут сложности.

Уже возле двери Ирина Павловна спросила:

— Вы давно приняли решение о разводе?

Я задумалась.

— Муж сообщил об измене три дня назад.

Она внимательно посмотрела.

— Понятно.

Я ожидала сочувственных слов.

Но юрист только сказала:

— Тогда не требуйте от себя, чтобы вы сразу все пережили. Юридические вопросы можно решать последовательно. Не обязательно сегодня же определить всю дальнейшую жизнь.

Я кивнула.

— Спасибо.

Вышла из кабинета.

На улице было тепло.

Я остановилась возле здания, достала телефон.

Несколько минут смотрела на экран.

Потом открыла заметки.

Написала:

«1. Документы.

2. Оценка квартиры.

3. Дача.

4. Счета и накопления.

5. Работа».

Посмотрела на список.

Добавила шестой пункт:

«6. Найти новое жилье».

И только тогда до конца поняла, что собираюсь уехать из нашей квартиры.

Не сегодня.

Не завтра.

Но однажды мне придется закрыть дверь и больше сюда не возвращаться.

Я почувствовала сильную боль.
Ведь я любила этот дом.
Сама выбирала занавески.
Покупала посуду.
Выращивала цветы.
Встречала здесь гостей.
Праздновала дни рождения Лизы.
Но жить в комнатах, где каждый предмет напоминал о человеке, который ушел к другой, мне не хотелось.
Я могла создать новый дом.
Наверное.
Пока я не очень в это верила.
Но хотела попробовать.

Вечером я вернулась уставшая.
Поставила сумку.
Сняла туфли.
Прошла на кухню.
В холодильнике оставался кусок торта.
Я достала его.
Посмотрела.
Потом переложила в контейнер.
Завтра отвезу Оксане.
Она любит сладкое.
Сама я больше не могла смотреть на клубничный крем.
Телефон зазвонил, когда я мыла чашку.

Алексей.

Я вытерла руки.

— Да?

— Наташ, привет. Ты не занята?

— Что случилось?

— Ничего страшного. Хотел спросить.

Я присела на стул.

— Спрашивай.

— Помнишь, у меня есть темно-синий костюм? Тот, в котором я был на юбилее училища.

— Помню.

— Не могу его найти.

Я закрыла глаза.

— Алексей, ты вчера забирал одежду.

— Да, но этот костюм не видел. Я завтра собираюсь на встречу, он нужен.

Я посмотрела на часы.

Половина восьмого.

Он звонил мне из дома другой женщины, чтобы я нашла ему костюм.

— Проверь второй шкаф, когда приедешь за вещами, — сказала я.

— Я там смотрел.

— Значит, посмотри еще раз.

Он помолчал.

— Наташ, ты можешь проверить? Может, он в чехле.

Я почувствовала знакомый импульс.
Встать.
Пойти в спальню.
Открыть шкаф.
Найти костюм.
Аккуратно сложить или повесить.
Сказать, когда он может приехать.
Так было проще.
Так я делала двадцать четыре года.
Алексей всегда мог положиться на меня.
Даже когда забывал, где лежит собственная одежда.
— Нет, Леша.
Он не сразу понял.
— Что нет?
— Я не буду искать твой костюм.
— Наташа, это же пять минут.
— Тогда потрать эти пять минут сам.
На том конце наступила тишина.
Потом муж сказал:
— Я не понимаю, почему ты так реагируешь.
Я закрыла глаза.
Очень хотелось заплакать.
Но я заставила себя говорить спокойно.
— Потому что ты больше не живешь со мной.
— Я знаю.
— Тогда тебе придется самому заниматься своими веща-

ми.

Он вздохнул.

— Хорошо. Я понял.

Я уже собиралась попрощаться, но Алексей добавил:

— Не думал, что мы будем ссориться из-за костюма.

Вот тут я не выдержала.

— Мы ссоримся не из-за костюма.

Он замолчал.

— Ты ушел к другой женщине, Леша. А теперь звонишь мне и просишь найти твою одежду, будто ничего не изменилось.

— Я просто спросил.

— А я просто отказала.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он тихо сказал:

— Хорошо. Прости.

Я сглотнула.

— До свидания.

Отключилась.

Положила телефон.

И сразу заплакала.

Не от обиды на костюм.

И не потому, что Алексей снова чего-то от меня хотел.

Я плакала, потому что отказать ему оказалось мучительно трудно.

Глупость.

Какая же глупость.

Я взрослый человек.

У меня есть образование.

Работа.

Дочь.

Друзья.

Я умею договариваться с заказчиками, решать бытовые вопросы, распоряжаться деньгами.

Но сказать собственному мужу, который ушел к другой, что не буду искать его пиджак, оказалось почти подвигом.

Я вытерла лицо.

Посидела немного.

Потом поднялась и пошла в спальню.

Открыла шкаф.

Темно-синий костюм висел на самом виду.

Во втором отделении.

В чехле.

Я смотрела на него несколько секунд.

Потом закрыла дверцу.

Ночью я долго не могла уснуть.

Лежала на спине и смотрела в потолок.

В квартире было тихо.

Раньше Алексей иногда храпел.

Я толкала его локтем, он переворачивался и ворчал что-то сонное.

Теперь никто не мешал мне спать.

И я не могла уснуть.

Я вспоминала наш первый год вместе.

Мне был двадцать один год.

Я тогда работала в небольшом ателье, мечтала когда-нибудь открыть собственную мастерскую.

Алексей часто уезжал.

Я ждала его.

Писала письма.

Звонила, когда получалось.

Скучала так сильно, что иногда не могла сосредоточиться на работе.

Потом родилась Лиза.

Появились новые заботы.

Мои планы постепенно стали меньше.

Сначала я хотела открыть мастерскую через год.

Потом после того, как дочь пойдет в сад.

Потом после школы.

Потом, когда Алексей выйдет в отставку.

И вот он вышел.

А я снова собиралась отложить работу ради совместных поездок.

Только теперь выяснилось, что совместные поездки ему уже не нужны.

Я повернулась на бок.

В темноте едва виднелась пустая подушка.

Мне захотелось позвонить мужу.

Спросить, спит ли он.

Сказать, что мне страшно.

Попросить приехать.

Я даже протянула руку к телефону.

Потом остановилась.

Он сейчас, наверное, лежал рядом с Татьяной.

В ее спальне.

На ее постели.

Может быть, обнимал ее.

Может быть, говорил те же слова, которые когда-то говорил мне.

Я убрала телефон.

Натянула одеяло до подбородка.

И вдруг вспомнила утренний разговор с юристом.

«Мне важно понять, чего хотите вы».

Я никогда не задумывалась, насколько сложным может быть этот вопрос.

Чего я хочу?

Чтобы Алексей вернулся?

Наверное, какая-то часть меня хотела.

Чтобы все оказалось кошмаром?

Конечно.

Чтобы он понял, какую боль причинил?

Да.

Чтобы Татьяна исчезла из нашей жизни?

Это тоже.

Но ни одно из этих желаний не зависело от меня.

Я могла бесконечно ждать, когда муж передумает.

Могла сравнивать себя с первой женой.

Искать, чем она лучше.

Почему он выбрал ее.

Почему спустя двадцать четыре года решил, что прежняя любовь важнее нашей.

Могла провести за этим остаток жизни.

И все равно не получить ответа, который вернул бы мне спокойствие.

Я снова взяла телефон.

Открыла переписку с Оксаной.

Она прислала фотографии ткани и короткое сообщение:

«Завтра привезут образцы. Посмотришь?»

Я ответила:

«Обязательно. Буду к десяти».

Потом немного подумала.

Написала еще:

«Спасибо, что позвала меня».

Ответ пришел почти сразу.

«Наташ, я тебя пять лет зову. Наконец-то дождалась».

Я улыбнулась.

Впервые за этот тяжелый вечер.

Потом подруга прислала второе сообщение:

«И не вздумай завтра опаздывать. У меня работа серьез-

ная».

Я тихо рассмеялась.

Отложила телефон.

Подошла к окну.

Во дворе горели фонари.

Несколько окон в соседнем доме еще светились.

Где-то за стеной работал телевизор.

Жизнь продолжалась.

Не красивая.

Не особенно справедливая.

Но моя.

Я вернулась в постель.

Легла на свою половину.

Потом вдруг передвинулась на середину.

Раньше я никогда так не делала.

Алексей любил спать у края, и я старалась ему не мешать.

Теперь мешать было некому.

Я вытянула ноги.

Устроилась поудобнее.

И впервые за три ночи уснула до рассвета.

Глава 3. Чужой мужчина

К середине июня я научилась не смотреть на телефон каждое утро.

Не то чтобы мне стало легче. Просто появилось слишком много дел, которые нельзя было отложить ради очередного приступа жалости к себе.

В мастерской Оксаны меня ждали два костюма, несколько метров дорогой ткани и сроки, при мысли о которых хотелось немедленно выпить кофе.

Дома лежали документы на развод.

А еще у меня появилась новая привычка.

Каждый вечер я открывала шкаф в спальне и смотрела на освободившиеся полки.

Алексей забрал почти всю одежду. В субботу приехал за последней коробкой с книгами и зимней обувью. Мы разговаривали минут десять, не больше. Он спросил, как у меня дела. Я ответила, что нормально. Он сообщил, что договорился с оценщиком насчет дачи.

На прощание попытался поцеловать меня в щеку.

Я отступила.

Муж замер с таким удивленным лицом, словно я отказалась от чего-то совершенно естественного.

— Наташ, ну мы же не чужие.

Я тогда не нашлась с ответом.

Просто открыла дверь.

А потом долго думала об этих словах.

Не чужие.

Конечно, не чужие.

У нас общая дочь. Двадцать четыре года совместной жизни. Дача, квартира, фотографии, воспоминания.

Но если мы не чужие, почему он теперь каждый вечер ложится в постель другой женщины?

И почему я должна позволять ему целовать себя на прощание?

В понедельник утром, когда я стояла перед зеркалом и закалывала волосы, телефон завибрировал.

Сообщение от Алексея.

«Наташа, привет. Не забыла про документы для заявления?»

Я посмотрела на экран.

Раньше он написал бы «Доброе утро, родная».

Теперь просто напоминал о разводе.

Я ответила:

«Не забыла. Все готово».

Подумала и добавила:

«В четверг в одиннадцать. Не опаздывай».

Ответ пришел почти сразу.

«Буду».

Я убрала телефон в сумку.

В четверг мы собирались подать заявление о расторжении

брака.

Я знала, что после этого еще пройдет время до оформления развода.

Знала, что впереди продажа имущества и покупка нового жилья.

Знала даже, какие документы придется подписывать.

И все равно иногда просыпалась среди ночи с мыслью, что не может человек просто взять и уйти после двадцати четырех лет.

Оказалось, может.

Я взяла со стола папку с рабочими эскизами, небольшой пакет с образцами ткани и вышла из квартиры.

Впервые за много лет мне действительно нужно было успеть на работу к определенному часу.

И, к собственному удивлению, это мне нравилось.

— Только не говори, что принесла все переделывать, — сказала Оксана, едва я появилась в мастерской.

Она стояла за раскройным столом, прижимая плечом телефон к уху.

Перед ней лежала темно-зеленая ткань, а рядом высилась стопка бумаг.

— Я принесла образец, — ответила я.

Оксана показала на телефон и закатила глаза.

— Да, Марина Петровна, я вас слышу. Нет, мы не будем пришивать настоящие металлические пуговицы к тонкому

шелку без усиления. Потому что они оторвутся. Да, это будет некрасиво. Именно поэтому я и объясняю.

Я невольно улыбнулась.

Оксана умела разговаривать с заказчиками так, что те одновременно чувствовали себя важными людьми и понимали: спорить бесполезно.

Она закончила разговор, положила телефон на стол.

— Все. Теперь ты. Показывай.

Я раскрыла папку.

Две недели назад мы начали работать над костюмами для новой музейной программы. Музей готовил экспозицию, посвященную городской жизни конца девятнадцатого века. В числе прочего посетители должны были увидеть несколько реконструкций женской одежды.

Не оригинальные старинные платья.

Для настоящих музейных вещей существовали реставраторы со специальной подготовкой.

Нам заказали новые костюмы, выполненные по историческим образцам, для выставочных манекенов и образовательных занятий.

И именно это мне нравилось.

Можно было изучать старые фотографии, искать подходящую конструкцию, пробовать сочетания материалов.

Но при этом требовалось учитывать вполне современные ограничения: бюджет, прочность, возможность снять костюм с манекена и потом снова надеть, не разрушив поло-

вину отделки.

— Вот, — сказала я и достала пробный лиф из недорогой хлопчатобумажной ткани.

Оксана взяла его.

Разложила на столе.

— Горловину изменила?

— Да. На фотографии она кажется выше, но если сделать точно так, как мы сначала решили, воротник упрется в подбородок манекена.

— Проверяла?

— На нашем. Но музейный другой, поэтому окончательно утверждать рано.

Оксана провела пальцем по шву.

— А здесь?

— Добавила немного свободы. Мы же не человека одеваем. Манекен руками не поможет, когда будем надевать.

Она усмехнулась.

— Очень разумно. А то в прошлый раз девочки сделали такое узкое платье, что мы вдвоем его на манекен натягивали. Я думала, ему голову оторвем.

— Помню. Ты потом еще неделю ругалась.

— И правильно делала.

Она внимательно осмотрела образец.

Потом подняла на меня глаза.

— Наташ, хорошо получилось.

Я почему-то смутилась.

— Пока рано хвалить.

— Я не хвалю. Я говорю, что работа хорошая.

Я опустила взгляд.

За две недели я уже привыкла к запаху мастерской, к шуму машинок и к тому, что никто не спрашивал, успею ли я приготовить ужин.

Но к профессиональной похвале еще не привыкла.

Дома Алексей иногда интересовался моими заказами.

— Как там твои платья?

И я отвечала:

— Нормально.

Он кивал.

Иногда смотрел на готовую вещь и говорил:

— Красиво.

Мне этого хватало.

Наверное, слишком долго хватало.

— Оксана, а когда мы сможем примерить на настоящем манекене?

Подруга сразу нахмурилась.

— Вот с этим проблема.

— Какая?

— Музейщики опять меняют график. У них там строители не успевают.

— Но мы договаривались на среду.

— Договаривались.

Она взяла телефон.

— Сегодня в одиннадцать общее совещание на объекте. Я собиралась одна ехать, но теперь думаю, что тебе лучше со мной.

Я посмотрела на часы.

Было девять двадцать.

— А зачем мне?

— Затем, что ты знаешь, что именно нам нужно измерить. А я не хочу третий раз объяснять про манекены, дверные проемы и возможность снять готовое платье.

— Они что, собираются замуровать манекены в витрине?

— Надеюсь, нет. Но с них станется.

Я рассмеялась.

— Ладно, поеду.

— Вот и отлично.

Оксана взяла мой образец.

— И его захвати. Может, наконец поймут, что костюм нельзя подгонять по фотографии.

Я начала складывать бумаги.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

— Ты сегодня получше выглядишь.

— Спасибо.

— Я не про косметику.

— А про что?

— Глаза уже не такие, будто ты всю ночь плакала.

Я опустила голову.

— Сегодня почти спала.

— Это хорошо.
Оксана помолчала.
— С Алексеем разговаривала?
— В субботу.
— И?
— Забрал вещи. В четверг подаем заявление.
Она покачала головой.
— Быстро он.
— Полгода готовился. Для него, наверное, не быстро.
Подруга замолчала.
Я сразу пожалела, что сказала это.
Но Оксана не стала меня утешать.
Только спросила:
— Ты сегодня завтракала?
— Да.
— Нормально?
— Бутерброд и кофе.
— Значит, ненормально.
Она достала из сумки контейнер.
— Держи.
Я заглянула внутрь.
Два сырника.
— Оксан, мне сорок пять. Я умею себя кормить.
— Тогда докажи. Съешь.
Я засмеялась.
И съела один сырник прямо за раскройным столом.

Музей располагался в старом здании с высокими окнами и широкими каменными ступенями.

Часть помещений была открыта для посетителей, а в другом крыле шли строительные работы. Там готовили новую экспозицию.

Мы вошли через служебную дверь.

Оксана показала охраннику письмо с согласованием встречи, и нас пропустили.

В коридоре пахло краской и строительной пылью.

Где-то за стеной работал инструмент.

На полу лежала защитная пленка. Возле лестницы стояли сложенные коробки с оборудованием.

Я остановилась возле открытой двери и заглянула внутрь.

Большой зал.

Высокие потолки.

Старинные окна.

У дальней стены рабочие собирали деревянные конструкции для будущих витрин.

Возле окна стояли несколько манекенов без одежды.

— Вот они, — сказала я.

Оксана проследила за моим взглядом.

— Да. Только нам туда пока нельзя.

— Почему?

— Сейчас узнаем.

Мы прошли дальше.

В небольшой комнате собрались шесть человек.

Я узнала Марину Петровну, координатора музейного проекта. Мы уже несколько раз общались с ней по телефону.

Женщина лет пятидесяти пяти, с короткими волосами и привычкой записывать каждую мелочь.

Она поднялась нам навстречу.

— Оксана Викторовна, наконец-то. Проходите.

— Здравствуйте. Это Наталья Воронцова, наш специалист по костюмам.

Я протянула руку.

— Очень приятно.

— Взаимно. Мы ваши эскизы смотрели. Хорошая работа.

Я поблагодарила.

За столом сидели еще двое сотрудников музея.

У окна стоял мужчина в темной футболке и рабочих брюках. Он разговаривал по телефону, негромко, но достаточно твердо.

— Нет. Не завтра. Сегодня нужно закрыть вопрос с поставкой. Если привезут не те крепления, я их принимать не буду.

Он выслушал ответ.

— Хорошо. Тогда жду фотографии до обеда.

Убрал телефон.

Повернулся.

И я впервые увидела его лицо.

Мужчине было около пятидесяти.

Высокий, широкоплечий, с короткими темными волосами и заметной сединой на висках. Лицо обветренное, с прямым носом и глубокими складками возле рта. Не из тех мужчин, которых можно назвать красивыми с первого взгляда.

Но что-то в нем сразу привлекало внимание.

Возможно, спокойная уверенность.

Или глаза.

Серые, внимательные.

Он смотрел на собеседника так, словно действительно слушал, а не ждал своей очереди говорить.

— Матвей Ильич Горин, — представила его Марина Петровна. — Руководитель строительных работ.

Мужчина подошел.

Сначала поздоровался с Оксаной, потом со мной.

Рукопожатие оказалось коротким, уверенным.

Ладонь теплая, немного шершавая.

— Наталья Сергеевна? — уточнил он.

— Да.

— Вы за костюмы отвечаете?

— За часть костюмов. И за то, чтобы они подошли к манекенам.

Он едва заметно улыбнулся.

— Значит, сегодня у нас будет интересный разговор.

— Уже боюсь, — ответила я.

— Пока рано.

Оксана посмотрела на нас.

— Давайте без загадок. Мне нужно понять, когда мы попадем в зал.

Матвей Ильич вернулся к столу.

Разложил план помещения.

— Вот здесь сейчас заканчивают подготовку пола. Потом пойдет установка подиумов и оборудования. Вход для посторонних на ближайшие несколько дней закрыт.

Я посмотрела на план.

— А манекены?

— Что манекены?

— Они уже стоят в зале. Нам нужно снять размеры и проверить посадку пробного лифа.

— Манекены можно вынести.

Я придвинулась ближе.

— Все?

Он посмотрел на меня.

— А сколько вам нужно?

— Как минимум три. Но проблема не только в размерах.

Я показала на план.

— Вот здесь будет основная витрина?

— Да.

— А здесь вход?

— Да.

— Какая ширина прохода после установки конструкции?

Матвей Ильич назвал размер.

Я нахмурилась.

— Тогда у нас может возникнуть проблема.

— Какая?

— Готовое платье будет довольно широким в нижней части. Если полностью одеть манекен снаружи, мы можем просто не пройти с ним через этот участок.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Насколько широким?

Я открыла папку.

Достала эскиз.

— Вот этот костюм. Видите юбку? Под ней будет каркас. Его размеры мы еще согласовываем, но уже понятно, что через узкий проход одетый манекен не пройдет.

Матвей Ильич взял лист.

Посмотрел.

— А почему нельзя сначала поставить манекен, а потом надеть платье?

Я подняла глаза.

— Потому что там придется возиться с застежками, нижними слоями, отделкой. Для этого нужно свободное пространство вокруг. Если витрину уже соберут, мы просто не сможем нормально работать.

Он снова посмотрел на план.

— Передняя часть витрины будет съемной.

— Полностью?

— Две панели.

— А ширина доступа?

Он назвал размер.

Я прикинула.

— Этого может хватить. Но нужно проверить на месте. И еще нам надо понять высоту подиума.

— Высота указана в проекте.

— Я видела. Но мне нужно снять размеры с самого манекена, когда он будет стоять на подиуме. Иначе можно ошибиться с длиной.

Он несколько секунд молчал.

Потом спросил:

— У вас все костюмы настолько сложные?

Я не удержалась от улыбки.

— Нет. Некоторые еще сложнее.

Оксана тихо фыркнула.

Марина Петровна посмотрела на часы.

— Коллеги, давайте найдем решение. У нас утверждение первого образца через неделю. Сдвигать его я не могу.

Матвей Ильич сложил руки на груди.

— Сейчас я не пущу людей в зал. Там работают с покрытием, а потом будут монтировать оборудование. Это вопрос безопасности.

Я почувствовала раздражение.

Не потому, что он говорил неправду.

А потому, что мне уже дважды за последние дни предлагали просто принять чужое решение, не обсудив мои обстоятельства.

— Я не прошу пустить нас прямо сейчас, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Тогда что вы предлагаете?

— Дайте точное время, когда помещение будет доступно хотя бы на два часа. До установки передних панелей. Нам не нужны экскурсии по стройке, нужно проверить рабочие размеры.

— Пока не могу назвать.

— Когда сможете?

— После подтверждения поставки.

— Сегодня?

Он немного удивился.

— Скорее завтра.

Я кивнула.

— Хорошо. Тогда завтра нам нужен ответ. А сегодня можно хотя бы вывести один манекен в соседнее помещение и проверить лиф.

Матвей Ильич посмотрел на Марину Петровну.

— Соседняя комната свободна?

Она раскрыла блокнот.

— После двенадцати.

— Тогда вынесем манекен. Только пусть сотрудники музея скажут, какой именно, чтобы потом не было вопросов.

Я выдохнула.

Уже лучше.

Но оставалась еще одна проблема.

— И мне нужно проверить дверной проем, — сказала я.

Матвей Ильич повернулся ко мне.

— Зачем?

— Чтобы понять, какие части костюма придется надевать уже внутри экспозиции.

Он посмотрел на эскиз.

Потом на меня.

— Вы всегда начинаете с самых неприятных вопросов?

Я пожала плечами.

— Обычно стараюсь закончить ими до того, как станет поздно что-то менять.

Он усмехнулся.

И вдруг я заметила, что у него очень приятная улыбка.

Не широкая.

Немного сдержанная.

Но от нее лицо сразу становилось моложе.

Я почему-то отвела глаза.

Марина Петровна записала договоренности.

Оксана уточнила несколько вопросов по срокам и материалам.

Совещание продолжилось.

Я слушала, иногда делала пометки.

Матвей Ильич объяснял строительные ограничения без лишних слов. Когда кто-то предлагал неудобный вариант, не начинал доказывать собственную правоту, а спрашивал, какой результат нужен.

Мне это нравилось.

Хотя несколько минут назад я почти готова была с ним поссориться.

После совещания мы пошли смотреть манекены.

Матвей Ильич проводил нас до зала.

У входа стоял рабочий в защитных очках.

— Сергей, — позвал Матвей. — У нас здесь музейный манекен нужно вынести. Покажешь, где можно пройти?

— Сейчас.

Мужчина отключил инструмент.

Матвей повернулся к нам.

— Пока здесь не ходите. Пол у дальней стены еще не готов.

Он произнес это спокойно.

Не приказал.

Не стал объяснять, что женщины на стройке ничего не понимают.

Просто обозначил ограничение.

Я кивнула.

Сергей принес манекен.

Мы с Оксаной помогли перенести его в соседнее помещение.

Матвей Ильич остался проверить работы, но через несколько минут вернулся.

— Ну что, подошел?

Я уже доставала из пакета пробный лиф.

— Сейчас узнаем.

Мы закрепили манекен.

Я надела на него образец.

И сразу увидела проблему.

Плечи оказались чуть шире, чем у нашего рабочего манекена в мастерской.

Из-за этого ткань неприятно натянулась возле проймы.

— Вот, — сказала я Оксане.

Она подошла ближе.

— Вижу.

Я расправила ткань.

— Нужно немного изменить конструкцию.

— Сильно?

— Нет. Но хорошо, что проверили сейчас.

Матвей Ильич стоял возле двери.

— Что не так?

Я повернулась.

— Посмотрите.

Он подошел.

Остановился рядом.

Не слишком близко.

Но я вдруг почувствовала легкий запах его одеколона.

Что-то свежее, древесное.

Совсем не похожее на привычный аромат Алексея.

Я отвлеклась буквально на секунду.

Потом заставила себя сосредоточиться.

— Видите эту складку?

Матвей наклонился.

— Здесь?

— Да. Она появляется, потому что плечи у манекена шире. Если сразу шить из основной ткани, потом придется переделывать.

Он внимательно посмотрел.

— И что будете делать?

— Изменю выкройку. Потом проверим еще раз.

— Сколько времени?

— День на корректировку и новый пробник.

Он кивнул.

— Понятно.

Я выпрямилась.

— Теперь понимаете, почему нам нужно было сюда попасть?

Он посмотрел на меня.

— Понимаю.

Ответ прозвучал так просто, что я на мгновение растерялась.

Я привыкла к тому, что людям приходится долго объяснять необходимость моей работы.

Особенно если речь шла о каких-то невидимых для них деталях.

А этот мужчина посмотрел, задал два вопроса и признал,

что я была права.

Без обиды.

Без раздражения.

— Хорошо, — сказала я.

Он чуть улыбнулся.

— Рад, что вы довольны.

Я неожиданно рассмеялась.

Оксана подняла голову.

— Вы там закончили обмен любезностями? Мне еще образец в мастерскую везти.

— Почти, — ответила я.

Матвей посмотрел на подругу.

— Завтра до обеда сообщу время для замеров.

— Записала, — сказала Оксана.

Я начала снимать пробный лиф.

Ткань зацепилась за выступ манекена.

Я осторожно освободила ее.

Матвей не стал хвататься помогать.

Только спросил:

— Вам придержать?

— Да, пожалуйста. Вот здесь.

Он положил ладонь на основание манекена, чтобы тот не двигался.

Я сняла образец.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Мне почему-то стало приятно от этой маленькой помощи.

Не потому, что без него я не справилась бы.

Справилась бы.

Просто он спросил, что нужно, и сделал именно это.

Когда мы вышли из музея, Оксана посмотрела на меня с подозрительным выражением.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Оксана.

— Я молчу.

— У тебя такое лицо, будто ты сейчас скажешь какую-нибудь глупость.

Она остановилась возле машины.

— Матвей Горин тебе понравился?

Я даже споткнулась.

— Что?

— Я спрашиваю, мужчина понравился?

Я рассмеялась.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Мы с ним десять минут спорили из-за манекена.

— Вот именно.

Она открыла багажник.

— Ты давно так оживленно ни с кем не разговаривала.

— Потому что мне нужно было попасть в зал.

— Конечно.

— Оксана!

Она положила папку в багажник.

— Что?

— Он просто строитель.

— Руководитель строительных работ, — поправила она. — И, между прочим, довольно приятный мужчина.

Я закатила глаза.

— Ты его давно знаешь?

— По этому проекту несколько месяцев. До этого пересекались на другом объекте. Нормальный человек. С делом знаком, слово держит.

— Очень подробная характеристика.

— Ты ведь пока больше ничего не спрашивала.

Я покачала головой.

— Мне сейчас не до мужчин.

Оксана закрыла багажник.

Посмотрела на меня уже серьезно.

— Наташ, я тебя никуда не подталкиваю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она пожала плечами.

— Просто заметила, как ты улыбалась.

Я замолчала.

Действительно.

Я улыбалась.

И не потому, что кто-то пытался меня утешить.

Не из вежливости.

Мне было интересно разговаривать с Матвеем.

Я даже поймала себя на желании задержаться в помещении, когда он задавал вопросы о платье.

Но это ничего не значило.

Я была замужем двадцать четыре года.

Еще даже не успела официально развестись.

Какие мужчины?

Какие знакомства?

Мне бы научиться спать спокойно.

— Оксан, — сказала я, — давай не будем.

Подруга сразу кивнула.

— Не будем.

Она достала ключи от машины.

— Тебя подвезти?

— Нет, спасибо. Пройдусь.

— До мастерской далеко.

— Я знаю.

— Тогда не забудь позвонить, когда доберешься.

Я улыбнулась.

— Хорошо, мама.

Она показала мне язык.

Я рассмеялась и пошла по улице.

Погода стояла удивительная.

Теплая, солнечная, но без изнуряющей жары.

Я шла медленно, с папкой под мышкой.

В голове крутились рабочие вопросы.

Как лучше изменить пройму?

Нужно ли немного увеличить свободу по спине?

Сколько ткани уйдет на пробный вариант?

Я поймала себя на том, что уже почти двадцать минут не думаю об Алексее.

Это было странное ощущение.

Словно кто-то ненадолго выключил постоянный шум в голове.

Я остановилась возле витрины небольшого магазина.

На манекене висело светлое платье.

Простое, летнее, с открытой линией шеи.

Я посмотрела на него.

Красивое.

Мне бы подошло.

Наверное.

Потом вспомнила, что Алексей не любил, когда я носила слишком открытые вещи.

Он никогда не запрещал.

Просто иногда говорил:

— Наташ, может, что-нибудь поскромнее? Мы ведь не на пляж идем.

И я переодевалась.

Не каждый раз.

Но достаточно часто, чтобы постепенно привыкнуть вы-

бирать одежду с оглядкой на его мнение.

Я посмотрела на свое отражение в витрине.

Светлая блузка.

Темные брюки.

Удобная обувь.

Все аккуратно.

Все прилично.

И вдруг мне захотелось примерить то летнее платье.

Не купить.

Просто понять, понравится ли мне самой.

Я вошла в магазин.

Продавщица улыбнулась.

— Добрый день. Вам помочь?

— Можно примерить платье с витрины?

— Конечно.

Она сняла его с манекена, уточнила размер.

Через несколько минут я стояла перед большим зеркалом в примерочной.

Платье оказалось очень красивым.

Нежная ткань мягко ложилась по фигуре. Вырез открывал ключицы. На талии был тонкий пояс.

Я повернулась боком.

Потом еще раз.

У меня была вполне хорошая фигура.

Не такая, как в двадцать пять.

Но разве это плохо?

Я вспомнила, как однажды Алексей сказал, что мне очень идет красное платье.

Это было много лет назад.

Тогда мы собирались на торжественный вечер, и я специально купила яркий наряд.

Он долго смотрел на меня, потом подошел и поцеловал.

— Наташка, какая же ты у меня красивая.

Я помнила эти слова до сих пор.

И вдруг почувствовала злость.

Не на него даже.

На себя.

Почему я стояла перед зеркалом и пыталась понять, понравилась бы ему?

Он уже выбрал другую женщину.

Мне больше не требовалось получать его одобрение.

— Ну как вам? — спросила продавщица из-за шторки.

Я посмотрела на отражение.

— Нравится.

И неожиданно добавила:

— Я возьму.

Когда вышла из магазина с пакетом, настроение немного улучшилось.

Не настолько, чтобы захотелось петь.

Но я поймала себя на улыбке.

Обычное платье.

Небольшая покупка.

Мое собственное решение.

Оказывается, иногда этого было достаточно.

Максим позвонил, когда я уже подходила к мастерской.

Я увидела его имя и остановилась.

Последние две недели он почти не выходил на связь.

Я понимала почему.

Ситуация была отвратительная.

Его родители снова сошлись после двадцати шести лет развода.

И ради этого его отец оставил женщину, которая была рядом с ним двадцать четыре года.

Женщину, которую Максим знал с семи лет.

Я не хотела ставить его перед выбором.

Но все равно боялась разговора.

— Наташа, привет.

Голос у него был напряженный.

— Привет, Максим.

— Ты можешь говорить?

— Да.

— Я хотел позвонить раньше. Но не знал, что сказать.

Я прислонилась к стене здания.

— Ничего страшного.

— Нет, страшно.

Он тяжело выдохнул.

— Наташ, я ничего не знал.

Я закрыла глаза.

— Верю.

— Правда. Ни отец, ни мама мне не говорили.

— Максим, я тебе верю.

Он помолчал.

— Соня тогда позвонила тебе с планшета. Я потом увидел пропущенные сообщения от папы и понял, что что-то случилось.

Я вспомнила веселое личико девочки.

Ее рисунок.

Алексея за столом.

Татьяну, которая положила руку ему на плечо.

Сердце болезненно сжалось.

— Соня ни в чем не виновата, — сказала я.

— Я знаю. Но мне так неудобно перед тобой.

— Почему тебе должно быть неудобно? Ты ничего плохого не сделал.

Максим молчал.

Потом сказал:

— Мне тридцать один год. Я прекрасно понимаю, что родители могут разводиться, жениться, встречаться с кем-то. Но то, как они поступили...

Он не договорил.

Я вздохнула.

— Максим, это между мной и твоим отцом.

— Нет, Наташ. Они оба знали, что у папы есть жена.

Я закрыла глаза.

Впервые за две недели я услышала эти слова от человека, который имел полное право защищать обоих.

И он не стал.

Не придумал оправданий.

Не сказал, что любовь бывает сложной.

Просто признал очевидное.

— Спасибо, — тихо ответила я.

— За что?

— За то, что не пытаешься меня убедить, будто я должна все понять.

Он невесело усмехнулся.

— Я сам пока ничего не понимаю.

Мы помолчали.

Потом Максим спросил:

— Как ты вообще?

Я посмотрела на прохожих.

Мимо шла молодая женщина с коляской. За ней бежал маленький мальчик с огромной игрушечной машиной.

Обычная жизнь.

— Работаю, — сказала я. — Оксана меня позвала в мастерскую.

— Та самая Оксана?

— Да.

— Здорово. Ты же раньше часто говорила, что хочешь вернуться к большим заказам.

Я удивилась.

— Помнишь?

— Конечно. Ты мне еще костюм на выпускной перешивала.

Я рассмеялась.

— Ужасный был костюм.

— Нормальный.

— Максим, там брюки были на два размера больше.

— Зато ты их сделала человеческими.

Я улыбнулась.

На секунду перед глазами появился высокий худой мальчишка, который стоял у меня на табуретке, пока я закалывала брюки булавками.

Он тогда ворчал, что все его друзья уже гуляют, а он вынужден терпеть примерку.

А потом долго благодарил.

— Наташ, — сказал Максим, — мы с Диной хотели спросить... Ты к нам в воскресенье приедешь?

Я замолчала.

— В воскресенье?

— Да. Соня тебя спрашивает. Мы ей пока ничего толком не объясняли. Просто сказали, что у взрослых сейчас сложная ситуация.

Я сглотнула.

— А Татьяна?

Он понял сразу.

— Мамы не будет.

Мне стало неловко.

— Максим, я не хочу, чтобы ты...

— Наташ, остановись.

Я замолчала.

Он заговорил тверже.

— Я люблю свою мать. И буду с ней общаться. Но это не значит, что должен перестать общаться с тобой.

Я прикрыла глаза.

— Я понимаю.

— Тогда приезжай.

Он немного помолчал.

— Дина пирог обещала испечь. Только не говори, что не голодная. Она все равно накормит.

Я засмеялась сквозь подступившие слезы.

— Хорошо.

— И еще...

— Что?

— Папа сказал, что ты собираешься продавать квартиру.

Я почувствовала неприятное напряжение.

— Да. Мы это обсуждаем.

— Если нужна будет помощь с переездом, сразу говори.

— Максим...

— Я серьезно.

Я посмотрела на небо.

— Спасибо.

Он помолчал.

— Наташ, ты ведь знаешь, что для нас с Диной ничего не изменилось?

Вот тут я не удержалась.

Слезы потекли сами собой.

Я отвернулась к стене.

— Знаю, — прошептала я.

— Тогда в воскресенье к двум.

— Хорошо.

— И не плачь, ладно?

Я невольно рассмеялась.

— Ты откуда знаешь?

— По голосу.

Я вытерла глаза.

— Постараюсь.

Мы попрощались.

Я еще немного постояла возле стены.

Мне было одновременно больно и тепло.

Алексей вернулся к первой жене.

Но Максим не собирался вычеркивать меня из своей жизни.

И это оказалось важнее, чем я могла представить.

В мастерской я провела остаток дня.

Проверила конструкцию лифа.

Внесла изменения.

Сделала новый пробный вариант.

Оксана периодически подходила, смотрела, задавала вопросы.

К пяти часам я уже почти закончила.

— Наташ, домой собираешься? — спросила она.

— Еще немного.

— Ты сегодня с утра на ногах.

— Знаю.

— Тогда не изображай героиню. Завтра доделаешь.

Я выпрямилась.

Спина действительно ныла.

Плечи затекли.

Но работа почти получилась.

Я посмотрела на манекен.

Ткань теперь лежала значительно лучше.

— Десять минут, — попросила я.

Оксана покачала головой.

— Ладно. Только десять.

Через двадцать минут она снова появилась возле моего стола.

— Наталья Сергеевна!

Я вздрогнула.

— Все, все. Заканчиваю.

Она посмотрела на образец.

— Хорошо сидит.

— Почти.

— Что еще?

— Вот здесь нужно немного убрать.

Оксана вздохнула.

— Наташ, если ты еще что-нибудь уберешь, платье исчезнет.

Я рассмеялась.

Она тоже улыбнулась.

— Все. Домой.

Я выключила лампу.

Убрала инструменты.

Закрыла коробку с булавками.

Потом осторожно сняла образец с манекена и повесила на отдельную вешалку.

Мне нравилось это ощущение.

Усталость после работы.

Не домашней, бесконечной, которую почти никто не замечает.

А работы, у которой был видимый результат.

Я сделала что-то своими руками.

И это получилось.

Когда вышла из мастерской, телефон показал новое сообщение.

От неизвестного номера.

«Наталья Сергеевна, добрый вечер. Это Матвей Горин. Марина Петровна передала ваш номер по рабочему вопросу. В среду после двух можно будет попасть в зал. Передние

панели витрин пока не устанавливаем. Подойдет?»

Я остановилась возле лестницы.

Перечитала сообщение.

Потом ответила:

«Добрый вечер. Да, подойдет. Нам потребуется около двух часов».

Ответ пришел быстро.

«Согласовано. Только предупредите заранее, сколько человек придет».

Я написала:

«Я и Оксана Викторовна. Возможно, еще одна сотрудница мастерской».

«Хорошо».

На этом разговор должен был закончиться.

Но через несколько секунд появилось новое сообщение.

«И вы были правы насчет прохода. Посмотрел размеры костюма по вашему эскизу. Придется изменить порядок установки панелей».

Я невольно улыбнулась.

Написала:

«Рада, что мы выяснили это до того, как платье пришлось бы протаскивать через стену».

Ответ:

«Через стену не обещаю. Но через дверь постараемся».

Я рассмеялась.

Прямо на лестнице.

Женщина, поднимавшаяся навстречу, удивленно посмотрела на меня.

Я убрала телефон.

И пошла домой.

В среду мы снова приехали в музей.

На этот раз вместе с нами была Настя, молодая сотрудница мастерской, которая помогала готовить отделку.

Матвей Ильич встретил нас у входа в рабочее крыло.

На нем была темно-синяя рубашка с закатанными рукавами.

В руках он держал папку.

— Добрый день, — сказал он.

— Здравствуйте.

Он посмотрел на наши сумки.

— Много вещей?

— Пока только образцы и инструменты.

— Тогда проходите.

Мы двинулись по коридору.

Матвей шел рядом со мной.

— Вчера проверили дверной проем, — сказал он. — Вы правы, готовый манекен с юбкой может не пройти.

— Я же говорила.

— Говорили.

Он посмотрел на меня.

— Только не надо теперь каждый раз напоминать.

Я улыбнулась.

— Не обещаю.

Он неожиданно рассмеялся.

Смех оказался низким, приятным.

Я поймала себя на том, что смотрю на его лицо чуть дольше, чем требовалось.

И тут же отвернулась.

Глупости.

Совершенно ненужные глупости.

Матвей открыл дверь в зал.

Внутри стало заметно чище.

Рабочие убрали большую часть инструментов. На полу лежали защитные покрытия, вдоль стены стояли деревянные элементы будущих витрин.

— Вот здесь можете работать, — показал он. — Только за ограждение не заходите. Там еще оборудование.

Я кивнула.

— Поняла.

Он повернулся к Оксане.

— Марина Петровна просила, чтобы после замеров вы ей сразу сообщили результат. Если потребуется менять высоту подиума, нужно знать до окончательной сборки.

— Сообщим, — ответила подруга.

Мы принялись за работу.

Настя записывала размеры.

Оксана проверяла высоту манекенов.

Я осматривала крепления и прикидывала, как удобнее надевать готовые костюмы.

Через некоторое время Матвей подошел снова.

— Как успехи?

— Пока хорошо, — сказала я.

— Ничего не придется переделывать?

Я посмотрела на него.

— Вы так надеетесь?

Он усмехнулся.

— Очень.

— Боюсь, не получится.

Матвей нахмурился.

— Что еще?

Я показала на подиум.

— Вот здесь нужен доступ сзади. Иначе мы не сможем нормально закрепить нижнюю часть костюма.

Он подошел ближе.

Осмотрел конструкцию.

— Сколько места?

Я показала рукой.

Он достал рулетку.

Измерил расстояние.

Потом задумался.

— Можно сдвинуть крепление.

— Это сложно?

— Нет. Но придется согласовать с музейщиками.

— Тогда я попрошу Марину Петровну.

Он кивнул.

— Хорошо.

И неожиданно добавил:

— Вы настойчивая женщина, Наталья Сергеевна.

Я выпрямилась.

— Это плохо?

— Для некоторых людей наверняка.

Я приподняла брови.

Он улыбнулся.

— Для дела полезно.

Я не удержалась от смеха.

— Очень дипломатично.

— Стараюсь.

Оксана, стоявшая возле соседнего манекена, посмотрела на нас.

Я сразу отвернулась.

Почему-то мне стало неловко.

Хотя мы не говорили ничего личного.

Обсуждали работу.

Только работу.

И все же рядом с Матвеем я чувствовала себя немного иначе.

Более живой.

Более внимательной к собственным словам.

Мне хотелось не просто ответить, а сказать что-то остро-

умное.

И посмотреть, улыбнется ли он.

Я давно не испытывала ничего подобного.

В начале наших отношений с Алексеем, наверное, испытывала.

Но это было так давно, что воспоминания словно принадлежали другой женщине.

К половине пятого мы закончили.

Оксана уехала немного раньше, потому что ей нужно было встретиться с поставщиком.

Настя помогла мне собрать образцы, а потом отправилась в мастерскую.

Я осталась еще на несколько минут.

Хотела уточнить у Марины Петровны размеры креплений, но та задержалась на другом совещании.

Я решила подождать.

В коридоре возле окна стояла старая деревянная скамья.

Я села.

Достала телефон.

От Алексея было сообщение.

«Наташа, в четверг все в силе?»

Я посмотрела на экран.

Завтра мы должны были подать заявление о разводе.

Еще один шаг.

Еще одна подпись.

Я ответила:

«Да».

Через минуту пришло:

«Хорошо. Я заеду за тобой в десять тридцать».

Я нахмурилась.

Сразу представила, как сажусь в его машину.

Как мы едем знакомыми улицами.

Как Алексей спрашивает, не холодно ли мне.

Как включает музыку, которую мы оба любили.

А потом мы приходим в загс и подаем заявление о расторжении брака.

Нет.

Я не хотела ехать с ним.

Написала:

«Не нужно. Встретимся на месте».

Ответ пришел не сразу.

«Как скажешь».

Я убрала телефон.

Посмотрела в окно.

На улице люди спешили домой.

Две женщины о чем-то оживленно спорили возле остановки.

Мужчина с велосипедом разговаривал по телефону.

Все куда-то шли.

У всех были дела.

Я вдруг почувствовала себя очень одинокой.

Не потому, что рядом никого не было.

Просто в моей жизни больше не существовало человека, которому можно было позвонить в любую минуту и сказать: «Я устала. Забери меня».

Раньше таким человеком был Алексей.

Даже если он не мог приехать, я знала, что могу попросить.

Теперь просить было некого.

Вернее, были Лиза, Оксана, Максим.

Но это другое.

Совсем другое.

Я опустила голову.

— Наталья Сергеевна?

Я подняла глаза.

Передо мной стоял Матвей.

В одной руке у него была папка, в другой — бутылка воды.

— Вы кого-то ждете?

— Марину Петровну. Хотела уточнить один вопрос.

Он посмотрел на часы.

— Она ушла на встречу с руководством. Вернется не раньше шести.

Я вздохнула.

— Понятно.

— Что хотели спросить?

Я объяснила.

Матвей выслушал.

Потом сказал:

— Это можно решить завтра. Я ей передам, что вопрос срочный.

— Спасибо.

Он кивнул.

Но не ушел.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он спросил:

— Вы в порядке?

Я растерялась.

— В каком смысле?

— Вы выглядите уставшей.

Я невольно улыбнулась.

— Очень тактично.

Он чуть нахмурился.

— Простите. Неудачно выразился.

— Да нет, все нормально. Просто день длинный.

Матвей посмотрел на скамью.

— Можно?

— Конечно.

Он сел рядом.

Не вплотную.

Между нами оставалось достаточно места.

Я вдруг почувствовала странное напряжение.

Не страх.

Скорее неловкость.

Давно я не сидела вот так рядом с незнакомым мужчиной.

Без мужа.

Без друзей.

Без необходимости обсуждать семейные дела.

Матвей открутил крышку бутылки.

Сделал несколько глотков.

Потом спросил:

— Вы давно занимаетесь костюмами?

Я посмотрела на него.

— Почти всю жизнь.

— Серьезно?

— По образованию я художник-конструктор одежды. Потом работала в ателье, брала частные заказы. Последние годы в основном шила дома.

Он кивнул.

— А сейчас решили вернуться?

Я немного помолчала.

— Да.

— Почему?

Вопрос был простой.

Но ответить оказалось трудно.

Потому что муж ушел к первой жене?

Потому что больше не нужно подстраиваться под его планы?

Потому что мне страшно остаться одной?

Все это было правдой.

Но рассказывать незнакомому мужчине о собственном разводе я не собиралась.

— Появилась хорошая возможность, — сказала я.

Матвей кивнул.

— Понятно.

И не стал спрашивать дальше.

Я почувствовала неожиданную благодарность.

Он посмотрел на папку у меня на коленях.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Вам самой нравятся эти старые платья?

Я удивилась.

— В каком смысле?

— Ну, носили бы такое?

Я рассмеялась.

— Каждый день?

— Хотя бы по праздникам.

Я представила себя в тяжелом платье с узкой талией, длинной юбкой и сложной застежкой.

— Нет.

Матвей улыбнулся.

— Почему?

— Потому что я люблю свободно двигаться, дышать и самостоятельно одеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.